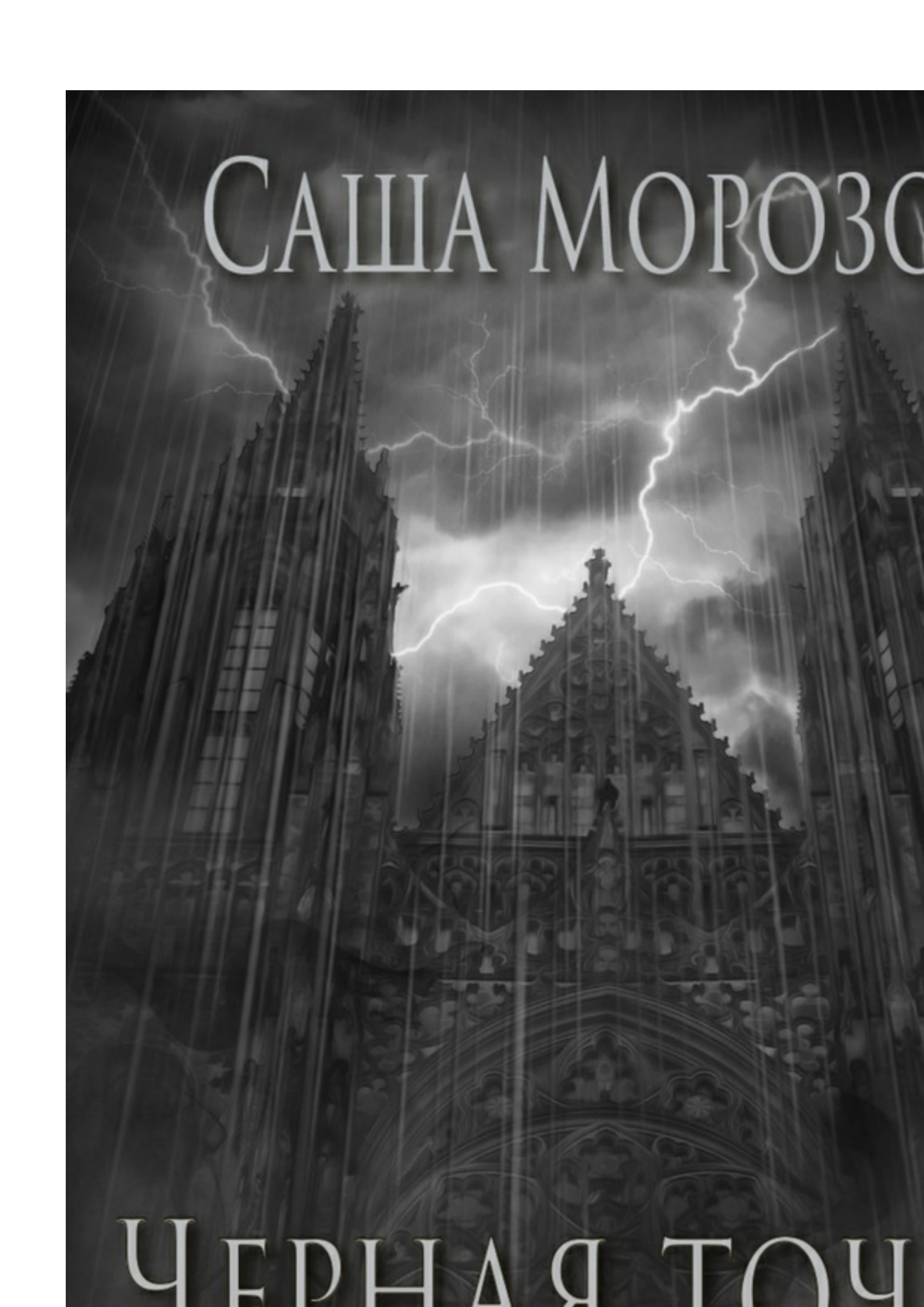

САША МОРОЗО

ЦЕРНОВАТОУ

Саша Морозов

Черная точка надежды

«Издательские решения»

Морозов С.

Черная точка надежды / С. Морозов — «Издательские решения»,

Небо — надменное, серое и текучее, словно грязь под ногами. Каменная мостовая — вся в копоти, засохшей крови и устланная трупами. В руках — факел да верный клинок. Город — словно закрытая стеклянная банка, где в агонии корчатся последние из живых. Зараженные твари рыщут по улочкам, словно бездумные хищники, алчущие человеческой плоти. Но истинным злом внутри кольца стен стал сам человек. Надежда о спасении есть. Она застыла в самом сердце тьмы. Черной точкой. Достойны ли ее те, кто идет к ней?..

Содержание

Часть I	6
Глава I. Болото	6
Глава II. Секта	16
Глава III. Руины	26
Глава IV. Особняк	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Черная точка надежды

Саша Морозов

© Саша Морозов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава I. Болото

Тот самый миг, когда умирает ночь. Ветви деревьев уже не кажутся скрюченными пальцами ужасной твари, царящая в подворотне игра света и тени становится затухающим огарком свечи, а источник кошмарных звуков вдалеке – рыком спящей во сне собаки. Волшебный момент, знакомый любому ребенку. Мгновение, превращающее мрак в свет, страх в умиротворение, тревогу в покой. Но только не здесь.

Этот дом похож на все прочие с этой улицы. Такой же заброшенный, грязный и пыльный. Как и везде в этом районе, недавно затопленном близлежащим Болотом, пол на добрый палец залит дурно пахнущей водянистой жижой. Но именно в настолько зланных местах всегда лежат трофеи – если другие ищейки не побывали тут раньше нее. Ощетинившись небольшим арбалетом, гармонично смотрящимся в руках ее щуплого девичьего тела, Эбена аккуратно приоткрыла деревянную дверь. Та отозвалась скрипом. Справа – металлическая топка с трубой наверх, посреди жилища – стол со стульями, видна крышка погребка. Кладбищенская тишина давит. После короткой паузы Эбена, осторожно ступая, вошла внутрь.

Шаги отозвались всхлипами воды под ногами. У крышки люка не оказалось даже замка. Убрав арбалет, девушка напряглась, но кусок из дерева и металла никак не желает пускать незваную гостью в хранилищ. Спустя минуту люк все же поддался и струя воды хлынула вниз, едва не сбивая девушку с ног. В крошечной тьме вниз ведет деревянная лестница. Пол просматривается – вода кривым зеркалом отражает девушку.

Осторожно ступая с арбалетом наперевес, Эбена прислушалась. Тишина здесь – всегда затишье перед бурей. Но, похоже, на этот раз шторм решил подождать еще – в погребе никого не оказалось. По мере потери света, глаза девушки медленно привыкли к полумраку погребка. Небольшая мастерская с инструментами и деревянные полки с едой. Эбена мысленно хмыкнула – весьма и весьма богатый улов, но не для этих мест. Здесь опасность диктует наличие нетронутых хранилищ. Верхний уровень полностью испорчен – хлеб уже сожрали паразиты. Мука... также испорчена – видны тушки мертвых насекомых. А вот пять ящиков сухарей – действительно богатый улов.

Впервые за последние сутки семнадцатилетняя ищейка расплылась в улыбке. Она впервые увидела больше добра, нежели могла унести. А ведь еще есть инструменты.

...Мокрые ноги – это нормально. Конечно, истории об отрезанных от переохлаждения ногах знают все, но вот обеспечить себя кованой обувью могут единицы. По крайней мере, в одиночку. Когда Эбена наконец упаковала добычу и двинулась наверх, рассвет давным-давно сменился слегка туманным солнечным утром. Вышла – и замерла. В двадцати шагах от нее застыло грязно-зеленой мутной водной гладью Болото. Раскинувшись от края и до края, ежечасно поглощая песчинку за песчинкой, оно растет всегда. Пусть это и не видно глазу. Олицетворение всего, чем живет и чем дышит Город. Вдали – на той стороне – угадываются зловещие очертания руин – шпили собора, каменные палаты правительственных зданий, особняки богачей и знати – они высокие. Их видно. Но ведь за ними тьма зданий меньше. И все тянутся бесформенной серой линией вдоль кромки Болота.

Обвязавшись крест-накрест мешками и наполнив дефицитными гвоздями сумки, ищейка взяла арбалет обеими руками. Переведя взгляд на свой берег, Эбена смахнула с лица

задумчивое выражение. Стоять на распутье сложно, но выбор сделать надо. Она тряхнула головой – думать о прошлом и будущем можно и близ костра за деревянной кружкой чистой горячей воды, но не здесь. Покрытые тиной и грязью камни мостовой никак не обсохнут – что ночью девушка пробиравлась по ним, порой едва не падая, что сейчас. Две недели назад лил обильный осенний дождь, принося с собой потоки не только воды, но и боли – сотни человек от вдруг ускорившего свой бег Болото спасались бегством в Западном Городе, где банды не желали сдавать захваченные кварталы. Отступающее же Болото обнажило не только серые остовы домов, но и нетронутые даже канализационными крысами схроны.

Солнце достигло зенита, как она дошла до поворота, но еще задолго до него девушка различила голоса. Мужской и детский. Скажем так – не взрослый. Судя по уверенным и громким голосам, они хорошо вооружены, судя по шаркающим шагам парня – он неопытен, а об опыте его спутника можно судить по тому, что его шагов не было слышно вообще. Поняв, что встреча неминуемо произойдет и оценив расстояние в полсотни шагов, Эбена затаилась перед одинокой стеной полуразрушенного строения – если на старшем заговоренные доспехи, то пробить их арбалетный болт сможет не более, чем с десятка шагов...

– Сжечь!!! – слитое десятками глоток в единый крик слово гремит в рукотворном зареве. Звездная ночь хоть и освещает Город, но пламя факелов демоническими алыми отблесками отражается на стенах домов. Импровизированные давние баррикады опоясывают улицу. Проломы в окнах и стенах домов по обе стороны давят мрачной пустотой. Все это, а также хворост под собой Рафаэль видит за доли секунды, поворачивая голову, очнувшись уже привязанным к столбу на высоком, кустарно собранном помосте. Фанатик в рясе чуть левее него расхаживает вокруг с факелом и вещает толпе. Мгновенно пришло осознание того, что к столбу привязан кто-то еще.

– Раф... – прошептал сзади до ужаса знакомый голос, – Раф, ты очнулся?..

Парализованный от ужаса ребенок только закивал, забыв о том, что мать не видит его головы.

– Раф... отец уже идет... я знаю, я чувствую его!

– Гнев Всевышнего обрушился на землю из-за мерзостной Очам Его магии! – надрылся сектант, – Ничто не приходит без Его ведома, ничто не терзает наши души и тела без Его на то воли! Почему Стена нас не пускает?! Почему даже могущественные из богомерзких, – в этот момент его указующий перст направился на связанных, – Не в состоянии проникнуть за нее и вырваться на волю из сего места? Его воля превыше всего и Его кара обрушилась на всех и все мы повязаны грехами, и не будет нам счастья и покоя, потому, что позволяли жить сим тварям, что хотят приблизиться к Его величию! Так повторите же – что следует сотворить со злодеями?!

– Сжечь!!! – вновь грянула толпа.

Воздев факел над головой, священник с силой бросил его в хворост.

– Он придет, Раф... он придет... я знаю это... живи... – шептала Рафаэлю мать.

Баррикады чуть позади него задрожали. Крайние ряды неуверенно оглянулись, но все остальные замороженными глазами смотрят на пылающий костер. Мгновение – и защитный вал, собранный из утвари разворотило. В тумане из поднявшейся пыли люди отчетливо слышали лошадиное ржание, а затем – началась резня.

– К оружию! – фанатик отреагировал первым, достав из-под рясы стилет и взяв в другую руку массивную дубину, валявшуюся рядом.

Но отряд налетчиков разорвал опешившие от такого натиска задние ряды. Трое конных магов в солдатских мундирах в первые мгновения боя вырезали добрый десяток мужиков

именными мечами. Те ошетинились подручным оружием, похватав дубины, самодельные копья и ножи.

Рафаэль, широко раскрыв глаза, смотрел, как отец прорывается к ним. В правой руке меч, левая горит огнем, освещая поле боя, конем же управляет одними ногами. Легким скольльзящим ударом перерубив горло приготовившемуся к схватке сектанту, он одним движением ладони потушил огонь, магически направив струю воды, взятую с сырой мостовой.

Ребенок завопил от счастья и – повернул голову, надеясь увидеть маму. Посмотреть на ее лицо. Увидеть счастье и спокойствие в ее глазах. Улыбка сошла с лица мальчика. Растрепанные волосы закрыли от него безжизненно рухнувшую на проткнутую стилетом грудь голову матери,

...Вскрикнув, Рафаэль проснулся и рывком сел. В камине играет огонь, за окном ночь. Морось. И скрюченные лапы ветвей деревьев. Сейчас в Северном Городе всегда холодно. Дошло до того, что прошлой ночью небольшие лужи заковал лед, а утренний снег захватил вполне себе зеленую траву. По утрам это выглядит жутко. Мертвенно-бледный туман, лениво расплывшись на десятки улиц, вой дворняг вдалеке и неотвратимо покрывающий природу иней.

Дверь в комнату распахнулась. Выбритый, с ухоженными волосами – не чета ему – уже одетый в походный мундир отец:

– Уже проснулся? – задумчиво спросил он, изучающе глядя на Рафа. Тот кивнул. Кивнув в ответ, отец ушел, закрыв дверь.

Двухспальная кровать – нетронутое напоминание о давно минувших днях. До Падения маги всегда жили роскошно уступая, пожалуй, разве что купеческим особнякам по внутреннему убранству и размерам сада. Рафаэль наскоро умылся, стоя у бочки с водой. Затем еще раз умылся и вытер руки чародейским жаром. Побродив по комнате и наконец найдя походный мундир, он начал одеваться.

Этих фанатиков истребили. Его отец – Кристофер Саут – лично ходатайствовал об этом перед Советом. Доводы убедительные – если Гильдия Магов позволит всяким одичалым безнаказанно убивать волшебников, это уничтожит их репутацию. Были даже заключены особые договоренности с Жакобом Польпо, уже тогда подмявшим под себя северо-западные кварталы. Одного за другим всю секту Очищения били долго, отомстив за Марту Саут. Вроде бы даже удалось истребить в корне, хотя отец об этом распространялся мало, но... мать Рафаэлю мести не вернула.

– Дай соль, – вяло поедая овсянку, попросил он отца. Его голова еще не окончательно отпустила столь ярко приснившийся кошмар. И в таких подробностях.

Трапезная в фамильном особняке Саутов достаточно скромная по меркам магов. Широкий круглый стол, уставленный тарелками с яичницей, хлебами с жареным беконом и маслом, а также кастрюлей с дышащей паром кашей занимал дай бог ее третью часть. Люстра же так вообще светит дешевым магическим огнем. Зато грязи нет. И звуков.

Тот день навсегда сорвал с лица Кристофера улыбку. Из дома пропал смех. Из дома ушла радость. Два затворника, ранее связанные любимой женщиной, встречались теперь только за едой, перемалывая собственные мысли, забыв про чужие. Сначала начали экономить свечи, затем – воду. На полгода должно хватить, а дальше... а что дальше? Надо будет выходить в свет. Иначе будущее Рафаэль не мыслил. А что думает отец – загадка. Двери в комнаты открывались все реже, но еще реже двигались их губы. Рафаэль увлекся книгами, в изобилие водящиеся в каждом доме волшебников, Кристофер же начал уходить в ночные патрули. Пока неделю назад он не обмолвился, что снова возьмет его с собой.

Два года назад радости ребенка не было бы предела. Год назад парень бы в восторге расспрашивал отца о подробностях. Но сейчас молодой человек лишь кивнул, ожидая уточнений, а не услышав, возвратился к учебнику. И вот, сегодня утром настал этот день – нужно

выдвигаться ночью. Или рано утром. Время и погода в Городе меняются последнее время слишком часто, сильно затрудняя попытки спланировать начало рассвета.

Мертвый сад – гнетущая могила матери. Кристофер никогда не любил цветы, предпочитая природе библиотеки. И сын пошел по его стопам. За два года в Городе поменялось очень многое, но сад – сильнее всего. Уже следующим летом он порос травой, кустарниками и колючкой, а сейчас мрачный особняк семьи Саутов являет собой островок порядка вокруг утопающих в грязи зарослей. И лишь дорожка от парадных дверей к воротам металлической ограды всегда ухоженна.

Морось и холод заставляют ежиться. Но сделать ничего нельзя, мундир мага – его лицо. Без пышных парадных эполет, с минимум украшений и без ярких позолоченных пуговиц, но мундир всегда – образец порядка, строгости духа и тела, цивилизации. То есть – всего того, что отличает частичку Гильдии Магов от отребья, коими кишат улицы.

В полной тишине Кристофер начал снимать защитные чары с ворот. Электрическое, огненное, льдистое. Сын внимательно следил за пассажами отца. Со скрипом открыв дверь, Кристофер одним движением головы поманил сына за собой. Рафаэль двинулся вперед, окидывая глазами ждущий их безмолвный Город.

Эбена вышла из-за угла, наставив арбалет на старшего. Она ошиблась. Двое бандитов, один из них – волокущий раненую ногу. Оба в обносках, а их пустые мешки, арбалеты за спиной и неудачное для налета время показывает в них либо неудачников, либо неприсоединившихся. Левому можно дать лет тридцать, второму же – в два раза меньше. Презрительно фыркнув, глядя на этих оборванцев, девушка нажала на спусковой крючок. С такого расстояния арбалетный болт прошел сквозь грудь старшего навывлет. Тот, вскрикнув, упал на сырую мостовую, заливая ее кровью. Тело конвульсивно задергалось, пальцы сжали несуществующее оружие, но его судьба уже была решена.

– Альберт, нет! – второй кинулся к убитому. Эбена мысленно облегченно вздохнула – у нее есть время – и, достав второй болт, начала перезаряжать оружие.

– Стой, стой, стой! – сказал сидящий на коленях перед еще теплым телом друга бандит, – Мы не хотели нападать, мы шли за едой!

– Квартал, улица, банда? – лениво бросила Эбена, чувствуя власть и закончив перезарядку, наставив на беспомощного раненого парня арбалет.

– Центральный, улица Пекарей, неприсоединившиеся! – отбарабанил тот.

– Так я и думала, – ищейка нажала на спусковой крючок.

Здесь в рассветном небе мрак не отступает. Конечно, давящие, зияющие застывшими, залитыми почти осязаемой чернотой проломы в домах наливаются светом, а пустота внутри становится видимой, но подавленность улиц не пропадает. Первобытный страх перед неизвестностью исчез, но разум диктует свои правила чувствам. Ходячие трупы могут прятаться за камнями, могут изображать мертвецов, а могут рвать добычу где-то за углом. Они только кажутся тупыми тварями, неспособными ни на что, кроме хождения за зовом желудка. Они – хищники и чем больше они обитают до упокоения, тем большему они учатся.

Рафаэль знает это. Об этом написано много брошюр и трактатов – все же пытливые умы магов не дряхлеют даже после Падения. Твари боятся практически всего – огня, электричества, даже простейшего режущего оружия. Они берут числом. И ядом болезни, что сочится с каждого коготка.

– Собаки, – шепотом бросил Кристофер. Действительно – улица в двадцати шагах от них заканчивается перекрестком, в центре которого крупная свора собак аппетитно хрустит косточками, обдирая мясо с двух одетых в тряпье мертвых мужчин. Израненная нога и юный возраст одного не оставляют сомнений в причине недолгого ожидания этой своры падальщиков. Пространство вокруг залито кровью, утекающей по все еще сырой мостовой... но не долго. В любой своре есть хозяева, вожак и в любой своре есть никчемные отбросы и если первые наедаются всегда, то последние движимы голодом ежечасно, ежеминутно и с удовольствием будут слизывать текущую вокруг кровь.

– Отходим, – продолжил он, – Лучше обойти.

Рафаэль не менее лаконично кивнул головой и два мага начали отступать. Но поздно. Совершенно лысая, лишенная одного глаза исковерканная до неузнаваемости болезнью морда пса-отброса повернулась к ним. Кашляющий лай одного подхватили соседние глотки, морды же трапезничающих вожака со свитой даже не перестали чавкать. Жуткое, но пугающе-забавляющее зрелище. Каждый пес уникален, хоть и по-своему уродлив. У одного задняя лапа начала раздваиваться, что мешает ему нормально бегать, зато позволяет далеко прыгать. Второй пестрит разноцветными язвами – вопреки лекарской науке, одни желтого, другие даже зеленого цвета. На третьем устроили пиршество вразнобой стрекочущие мелкие насекомые – захватив спину, они терзают его по меньшей мере неделю, свив уютное гнездышко. Ему не жить – он сдохнет через месяц, нутро же его будет кишеть роем. Но всех их роднит одно – они совершенно лысые, с непропорционально большими туловищами и мускулистыми лапами. Твари, пережившие Падение, меняются навсегда.

На сговариваясь, Кристофер и Рафаэль одновременно создали огненную стену – простенькое заклинание, оказавшееся самым эффективным в условиях уличных боев. И даже более – в самых изуродованных мозгах животных всегда остается страх огня. Кроме...

– Раф!!! – глаза Кристофера расширились, когда сверху упало сразу пятеро трупов. Инстинктивно дернувшись, поняв все еще до крика по изменившемуся лицу отца, Рафаэль чудом избежал когтей гниющего заживо тела.

Против них хороша любая магия, поскольку любая магия приведет их к упокоению, но быстрее всего это может сделать Распад. Крайне сложное, но эффективное – быстрое ускорение распада тканей приводит к быстрому отмиранию кусков кожи, мяса, конечностей... жаль, что слишком медленное. Против всех, но не ходячих трупов. У кого и так рука держится на трех остатках мышц, того добить этим заклинанием ничего не стоит.

Впервые в своей жизни Рафаэль встретился с ним лицом к лицу. Ходячий труп, описанный учеными, видимо тоже не был видим ими иначе, чем на хирургическом столе для опытов. В лучах рассветного солнца мертвяк казался чудовищем из самих недр Преисподней – висящая лоскутами кожа, открывающая мясо и кости, видимое еще бьющееся сердце, раскрошенный в прошлых боях кусок головы, надломленная косточка ноги... оно живое. Живет – и движется. Проворно, не издавая звуки. Не кряхтя, не завывая, не лая словно псы – труп мертвым глазом смотрит зрачком то ли невидящим, то ли смотрящим прямо в душу. Парализованный ужасом, Рафаэль не мог оторвать взгляда от глаз чудовища. Мгновение – раздался треск, надломленная кость развалилась, потухший давным-давно глаз вывалился из трещащей глазницы, ладонь с когтями выпала из руки. Еще миг – и труп развалился на части.

Парень широкими глазами смотрел на отца. словно бог войны, тот наотмашь размахивал мечом, другой рукой разбрызгивая во все стороны кислоту, сжигая трупы в пламени, отшвыривая их сгустками воздуха и добивая Распадом.

Когда побоище закончилось, Кристофер тяжелым шагом подошел к сыну. И только тогда тот заметил на его лице царапину от когтей теперь уже упокоенных тварей. Глядя на решимость отца, Рафаэль быстро-быстро замотал головой.

– Нет... нет, нет! – начав шепотом, он сорвался на крик.

– Надо, – звучный голос как всегда непререкаемый, – Ты знаешь это.

– Я не могу... идем в Гильдию, тебе проведут замену крови! – нашелся сын.

Кристофер покачал головой.

– Я нашел Шар, – ответил он, – Ты должен его получить.

– К черту его! – в уголке сознания искоркой пронеслась радостная от этой новости мысль, но так же быстро погасла, – Мы сможем за ним вернуться снова!

– Нет... – снова покачал головой отец, – Мне осталось не больше пяти минут. Пути домой нет. Знай это.

Его зубы немного раскрошились и он почувствовал это. Не передав испуг, он продолжил, глядя на несчастного, в миг осиротевшего сына:

– Возьми, – достав из-под плаща свернутую слегка рваную карту Города, с коей не расставался даже дома, а также – странной формы старинный и явно фамильный ключ, что так любили использовать богачи в своих личных сейфах, – Я нашел Шар. Я не мог уйти один. И не мог сказать Совету. Ты должен меня понять. Не мог я и оставить тебя в этом всеми богами забытом аду!

Раф суетливо взял карту с ключом и убрал за пазуху. Прежде чем он успел спросить о замке для ключа, отец коснулся виска двумя пальцами. Мгновение – и тело пронзил сильнейший электрический разряд, на который маг его ранга был только способен.

Бежать, бежать, бежать!!! Мысль пульсирует в голове, мысль долбит стенки головы, мысль застилает страхом глаза. Она боится собак. Всегда боялась. С детства, когда дворняга ее искусила и только бабка-травница вынула с того света. Но сейчас... она никогда не видела целую свору так близко. Да, издали, да – расстреливала с укреплений, да – натравливала на врагов ложным бегством. Но чтобы в полном одиночестве спастись от нее в покинутом всеми квартале – такое впервые. Ведь здесь как карты лягут – эти твари абсолютно не поддаются логике. Вожак может мирно спать в двух шагах, зарывшись вместе со своими подручными в груде хлама в руинах соседнего дома и дать о себе знать только когда почувствует запах крови. А может преследовать тебя от улицы к улице. Эбена вздрогнула, отгоняя воспоминания. Падаль – вот, что любят псы. И надо же так случиться, что свора была неподалеку!

Стая не отставала до самого поворота. Впереди всех бегут два язвенных пса, ото всех отстает больной, с роем жуков в зад. К счастью, руины какого-то очередного полузатопленного полуразрушенного дома оказались поблизости. Кошкой вспрыгнув и ухватившись за покосившийся балкончик, Эбена целеустремленно начала взбираться. Наконец, поудобнее расположив руки, она изящным прыжком оказалась на втором этаже здания. Но еще в полете, почувствовав, что заплечный мешок слегка облегчился, разум ее взорвался мысленными проклятиями. Посмотрев вниз, ищейка увидела, что семь из оставшихся восьми болтов упали на мостовую. Достав оружие и зарядив последний, воровка... опустила арбалет. Убьешь одну тварь – вместо нее встанут две. Лучше побережься и сохрани остатки на случае более разумных врагов. Побродившее внизу сборище ушло обратно – видать, лакомиться ее добычей.

Нужно ждать. Хаотичный разум псов не поддается никакому расчету, поэтому спускаться нельзя. Оглянувшись, Эбена смогла по достоинству оценить то, что осталось от дома. Хмыкнув и решив, что время зря терять не стоит, ищейка прошла внутрь. Слева покрыта пылью широкая кровать с небольшим разбитым от влаги и времени круглым столиком. До Падения здесь наверняка стояли цветы, а сама комната, судя по треугольной крыше, сдавалась в аренду. Груда досок – остатки шкафа – покрыты слоем плесени и мха. Кое-где

из трещин пола пробиваются первые ростки унылой бледненькой травки. Лестница, ведущая на первый этаж находится в конце комнаты.

Желание пробежать вниз на первый этаж так и осталось желанием – первая же ступенька развалилась в труху от прикосновения, да и дом ушел вниз из-за близости к Болоту. Вспомнив о нем, она медленно пошла к балкону, с которого открыт весьма живописный вид на мутно-зеленую водную гладь.

Шаг. Треск. Вскрик испуганной девушки. Полет – и удар.

Отцовская перевязь явно велика. Заплаканное лицо ушло в прошлое, вместе с чувством безопасности. Утренняя морось вернулась, очищая каплями два обглоданных тела, через которые переступил Рафаэль, идя к Болоту.

Лицо выражает ничто. Чувства выгорели вместе с потухшим разумом отца, чье тело, будучи живым, начало обращаться, но упокоилось после смерти. Домой возвращаться не хотелось. Мертвый сад, мертвый дом – один из многих в бесчисленных рядах Города. Черный Шар – вот, что манит теперь Рафаэля. Воля отца, ведущая вперед, и цель, самим своим присутствием поддерживающая жизнь в обезумевшем разуме и смертельно уставшем теле. Хочется кричать, рыдать, разбить кулаки в кровь о камень мостовой. Она видит все, она слышит все, неслышно отдает эхом. Сколько душ покинуло тела, рухнувших на мостовую?..и сколько душ она приковала к себе, приковала к телам, в вечном голоде идущих по ней?

Очищающие капли падают на волосы, заливают лицо, напитывают влагой мундир. Лицо Рафаэля не выражает чувств, потухшие глаза тупо смотрят перед собой. Черный Шар... грезы и мечты всех, обитающих в Городе. Маленький одноразовый телепорт, применявшийся до Падения для быстрого перемещения между городами внутри страны. Когда началась катастрофа, все богачи, владевшие ими, как можно быстрее покинули Город и Черных Шаров больше не осталось – но их мечтает найти каждый. Чтобы уйти из Города. Неважно куда – прочь.

Болото. В полусотне шагах впереди него застыло Болото. Гнилое, дурно пахнущее, обитель мрачных тварей, вечный памятник проклятию и вечный памятник спасителю. Рафаэль мрачно ухмыльнулся. Какая ирония. Город навеки должен быть благодарен по весне прорвавшейся канализации, разделившей его надвое и защитив выживших от своего страшного брата-близнеца – неупокоенного Мертвого Города.

Приглушенные девичьи стоны заставили его встрепенуться. Удивленно посмотрев влево, Рафаэль увидел в десяти шагах от себя лежащую в груде камней девушку. Красивое и на удивление чистое личико обрамляет грива рыжих волос, закрытых темным маскировочным капюшоном. Тоненькая исхудавшая фигурка, в обтягивающей кожаной одежде, длинные ноги, небольшая грудь. Мило. Очень мило.

Болт пролетел в пальце от уха. Магическую принадлежность незнакомца Эбена раскусила сразу. Пусть и излишне крепкий телом, но на нем полевой мундир – это визитная карточка волшебников. Да и перевязь с мечом носит неправильно – сразу видно, что с холодным оружием не в ладах. Выстрел смазался – боль в ноге выстрелила раньше Эбены. Лицо схватилось судорогой, ищейка поняла, что не может встать. Она также поняла, что это был последний болт и сейчас он вот-вот нелепо затонет в Болоте. Из которого, как известно, никто и ничто не возвращается. Воровка закусил губу – другие болты брать неоткуда, а этот негодяй все ближе.

– Квартал, улица, банда? – отрывисто бросил незнакомец. Эбена поняла, что сейчас произойдет, но ударить не могла физически – махание арбалетом в позе сидя выглядело бы смешно.

– Западный квартал, улица Кузнецов, банда Польпо! – быстро прошептала воровка, пытаясь незаметно вытащить нож.

Маг сузившимися глазами посмотрел на нее. Он в своем праве и сейчас решает, убивать ее или нет. Когда пауза затянулась, тот все же спросил ее:

– Род деятельности, имя? – продолжил он.

– Ищейка, Эбена Локус! – позволив себе улыбку, ответила раненая.

– Патрульный маг, Рафаэль Саут, – с достоинством ответил паренек, – Ты разбираешься в картах?

Она кивнула.

– Идти можешь? – спросил Раф.

Ее лицо побледнело, но Эбена мужественно попыталась встать, опираясь на осколок предательского балкончика. Встать-то удалось, но вот ни зарядить любимый арбалет, ни стрелять из него, ни даже держать она оказалась неспособна.

– Что у тебя в мешках? – начал допрос маг. Что ж, он в своем праве.

– Три десятка сухарей, две банки очищенной муки, три банки гвоздей, два молотка, три фляги с чистой водой... – начала перечислять Эбена, но тот жестом остановил ее.

– Насколько безопасен этот район? – после этого вопроса ищейке захотелось расхохотаться. Да уж, патрульный маг, ничего не скажешь! И сколько дней он патрулировал улицы, интересно? Хотя проявленная им мягкотелость явно стала глотком удачи, который спас ей жизнь.

– Крайне небезопасен, – соврала Эбена, – Скоро сюда нагрянут представители не менее, чем от трех банд, включая мою. Лучший способ нам выжить – это отступить на юг.

– Нам следует торопиться? – уточнил Рафаэль, явно прикидывая, стоит ли тогда тащить раненую. Эбена спохватилась:

– Нет-нет... сначала они поделят зоны грабежа, мы успеем скрыться. Но путь на юг сопряжен со многими трудностями, а я знаю короткую и безопасную дорогу.

– У меня есть карта, – проговорил маг неохотно, – Так что я дойду.

У Эбены округлились глаза после этих слов. Неужели этот парниша даже не знает цену карт, что так легко делится столь бесценной информацией?! Или они все в их Гильдии всё же так шикуют, как доносят слухи?..

– Это хорошо. Но на ней не отражены текущие опасности, – уточнила Эбена, – Ты ведь знаешь о недавнем потопе, верно? Так вот, в Восточном квартале все сильно поменялось за этот месяц и я могу тебе помочь не быть сожранным.

Рафаэль задумался. После чего его взгляд зацепился за единственный целый валяющийся вдалеке арбалетный болт – нетронутый камнями. Подняв его, он молча, но неуклюже зарядил арбалет Эбены.

– С мечом обращаюсь слабо, а потому нашим оружием будешь ты. Вижу ты легкая. Я понесу тебя, – бросил Раф. Воровка благодарно улыбнулась, мысленно поаплодировав себе, после чего послушно, стараясь не выдать боль в ноге, взобралась на плечи магу.

Идти тяжело. Тем более вдоль Болота. Солнце, еще совсем недавно озаряющее лучами небо, окрашивая облака в кроваво-красные и празднично-оранжевые рассветные тона, теперь прячется за гнетущими поглотившими небо тучами. Моросящий дождь заливают камень под сапогами, смывая на горизонте разницу между серым небом и серой землей. И с каждой минутой проходит все больше времени, с каждой минутой Город словно вмещается в грязь. Только Болото радует глаза зелеными, бурыми и иногда даже фиолетовыми цветами. Приятно, что в мире осталось хоть что-то цветное.

– Хочешь сухарик? – внезапно подала голос воровка. Прямо над ухом, ушедший в свои думы Рафаэль вздрогнул и пробурчал что-то непонятное даже ему, но неодобрительное.

Пожав плечами, сидевшая на его плечах приятная на ощупь ищейка стала еще тяжелее – очевидно, копается в сумках. Закончив с этим, она протянула в своей миниатюрной ладошке, изящно смотрящейся в обтягивающих черных перчатках ко рту мага сухарик. Поскольку руки Рафаэля заняты ее ногами, он мог взять еду только с ее рук, из-за раздраженно покачал головой.

Хихикнувшая воровка ничуть не смутилась и начала грызть сама.

Судя по карте, Черный Шар находится в северной части Мертвого Города. Но, по словам Эбены, добраться туда сейчас никак нельзя – пройти можно только по северной холмистой оконечности, небольшой тропки к югу от Стены, вечно охраняемой от полчищ мертвяков, идущих с востока Заставой. А путь туда прегражден нетронутыми схронами, за которые вот-вот начнется война кланов. Быть может, даже Гильдия Магов присоединится. Хотя она редко остается вне любого передела.

На самом деле, Раф лукавил. Себе, ей – всем. Не мог он защититься один. Чтобы сотворить даже самое простое заклинание ему требуется секунд десять, не меньше, а у этой чертовки есть вполне себе неплохой арбалет, да и с ножом она, наверное, обращаться умеет. Эта ищейка нужна ему, хорошо, что еще и дорогу подсказывает.

– Куда мы идем? – спросил Рафаэль.

– К «чистым», – послышался над ухом ответ, – Костоправы лучше них только в Гильдии, но дерут меньше. Да и ваши начали диким услуги оказывать дай бог пару месяцев назад, а в секту уже год как ходят. У Польпо, скажем, с ними договор есть. Заодно, можно будет сбыть инструменты.

– Ты думаешь, фанатики помогут магу? – с сомнением проговорил тот. Воспоминания об отце отозвались болью, но он всегда предупреждал сына о религиозных сектах. Они все ненавидят магию.

– Я буду главной, а ты побудешь моим «пленником», – пожала плечами Эбена, – Нашу банду они уважают, поперек моего слова идти не станут. Тем более, что из-за потопа они на две недели потеряли связь с внешним миром – не со Стражей же им торговлю вести, верно?

Рафаэль нехотя кивнул. В коротком молчании они слышали легкий вой ветерка, несущийся с востока.

– Что ты делала здесь одна? – наконец спросил маг, – Я слышал, что Польпо отправляет ищеек парами, на всякий случай. Да и одиночка физически не может отбиться даже от неприсоединившихся.

– Глупость тебе говорили, – фальшиво хихикнули сверху. Но подробностей не последовало.

– А почему один идешь ты? – наконец раздался над ухом насмешливый девичий голос, – Ты же еще желторотик, небось заклинания творишь минуту. И как тебя отпустили?..

Рафаэль не ответил.

Они замолчали. Дорога не желает кончаться, как и дождь наверху. Нагрязнули мысли об отце. Рафаэль вспомнил, как сидел над его телом, как рыдал, обняв за плечи. Дымок, шедший от него еще секунду назад такого живого и непобедимого рассеялся за секунды. Слезы сами хлынули из глаз, а дрожащие руки начали стирать их, пачкая лицо грязью. Почему?! Одна царапина – болезнь внутри – почему?! Один удар безмозглого трупа, от чьей человечности осталось не больше, чем от целостности его плоти и... смерть? Это было так неправильно, это казалось сном, но это было.

В кармане полевого мундира обнаружилась старая семейная зажигалка с гербом Саутов. Сжав ее в кулаке до белизны костяшек, Рафаэль закрыл глаза и прижал холодный металл ко лбу. Всё, что осталось от отца в этом мире.

Глава II. Секта

Домом это назвать сложно, но Рафаэль мысленно снял шляпу перед инженерами. Небольшой переулок-тупичок между домами превратили в один огромный дом, чем-то напоминающий пчелиный улей. Гигантское строение, построенное из досок, строительного мусора, прикрытое многочисленными тканями и тряпками, многоэтажное – этажей семь, не меньше – стоит буквально на пустоте. Нет, видно, что здание, занявшее собой все пространство между домами общается с ними со всеми, но то, что оно стоит на огромных сваях, пронзающих мостовую и ломающие ее – это заметно далеко не с первого взгляда. От земли дом этих странных «чистых», о которых говорила Эбена, поднялся на полтора метра – вполне достаточно, чтобы пережить очередной потоп.

Похоже, на это и расчет – стоящий в двухсот шагах от него Раф отчетливо видел, что дом сектантов соседствует с Болотом – из крайних левых бывших оконных проемов в домах наверняка открывается живописный вид.

– Стойте, – мужик в рясе возник словно из-под земли. Сфокусировав на нем взгляд, Рафаэль понял причины внезапного появления. Ряса ему велика – не видно ни кистей рук, ни даже лица из-под огромного капюшона, да и сама она не только грязно-серого цвета – под стать окружающим домам – но и дурно пахнет, теряясь в зловонных испарениях Болота. Сколько ношена – судить трудно, но в такой пропасть в цветовой гамме Города не составляет труда.

Эбене захотелось хихикнуть, когда она представила себе растерянное лицо попутчика. Сектанта она не только распознала издали, но и обменялась принятыми между их бандами знаками.

– Квартал, улица, банда? – будничным тоном спросил охранник. То, что это был он, сомнений нет. Эбена отчетливо ощутила озноб меж лопатками – несмотря на его голос, она буквально почувствовала себя на прицеле не менее десятка арбалетов. «Очищенные» создали свой дом не только для защиты от Болота – они строили его как неприступную крепость. Сам он окружен домами со всех сторон, оборудованные завалами, баррикадами и множеством, огромным множеством позиций арбалетчиков. А все возможности центрального входа к обороне не знает никто.

– Западный, улица Кузнецов, банда Польпо, – отчеканила Эбена, сетуя, что последнее время она отвечает на этот вопрос, а не задает его.

– Цель визита?

– Торговля.

Сектант молча кивнул на Рафаэля. Прежде, чем тот успел что-то сказать, ищейка, замахнувшись, вырубил его прикладом.

Голова гудит. С трудом разлепив веки, покрытые тонкой коркой запекшейся крови, Раф порадовался, что одежду они не забрали. Они?..кто они? Маг с трудом начал вспоминать, размалывая ладонями багровую корочку на лице. После чего беглым взглядом окинул пространство вокруг себя. Он не связан, но сидит в клетке. Большой металлической клетке – от края до края можно сделать шагов десять, не меньше. Вокруг все напоминает нищенскую лачугу или давно заброшенный шалаш бродячих артистов исполинских размеров – бесформенная громадная с полукруглым потолком комната, построенная из строительного мусора с воткнутыми в пустоты тряпками и затянутая давно выцветшими тканями. Пустая. Выход

находится в противоположной от клетки стороне, занавешенный полотном, бывший ранее то ли пледом, то ли подстилкой.

Рафаэль уставился на руки. Голова все еще не желает думать, но глаза уже видят следы от некогда скрутивших его руки веревок. Теперь валяющиеся на полу разрезанные ошметки – причем не только его веревки – и несколько отдохнувшая от затянутого ранее узла кожа красноречиво намекали на то, что кто-то освободился сам и освободил его, причем – достаточно давно. Снова подняв взгляд на дверь клетки, Рафаэль с удивлением обнаружил ее распахнутой.

Ноги не слушаются. Полевой мундир испорчен залившей его кашей из грязи и крови, потеряв чистоту и порядок, коими гордятся маги. Облокотившись на решетку, Раф все равно встал, пусть и с трудом. Помотав головой и тряхнув пыльными от долгой дороги паклями волос, маг услышал хруст костей. Своих костей. Усмехнувшись разбитыми губами, он пошел к выходу.

Откинув ткань, Рафаэль увидел выход из комнаты-шалаша. Доска. Одинокий кусок дерева ведет куда-то по наклонной вниз, вокруг него – каркас из тонких прутьев со множеством тряпок на нем, превращая проход в туннель. Как раз ростом со взрослого человека. Маг едва удержался от усмешки. Трагедия превращается в фарс – факт того, что сектанты сделали из дома муравейник скорее смешит, чем пугает.

Пройдя по опасно заскрипевшей доске, Рафаэль вошел в следующую комнату – и снова шалаш. Окон нет, свет просвечивает сквозь ткани, творя причудливую игру теней. Полумрак создает иллюзию огромности, хотя эта «комната», больше похожая на шатер, раза в два меньше предыдущего. Из всего убранства – крупный стол, на котором разложены игральные карты. Пара стульев, на которых... маг поморщился. Трупы сектантов – бесформенные балахоны залиты уже запекшейся кровью. Со скривившемся лицом маг подошел к первому телу. Скользящая неглубокая рана на груди, горло – кровавое месиво. У второго... тоже ножевое ранение – пробит затылок. Либо удар был очень сильным, либо лезвие очень острым, но череп пробит. Его осколки изрезали мозг.

Найдя под балахоном второго самодельный нож, Раф хмыкнул. То еще оружие, но раз враги им пользуются, то почему ему нужно воротить нос? Внезапно в голове возникла идея. Интересно, а на полевой мундир налезет этот вонючий балахон?..

Арбалет! Эбена готова взвизгнуть от восторга – так она не радовалась очень давно. Пробиваться сквозь сектантов с перочинным ножиком, который она предусмотрительно спрятала под языком, прекрасно зная особенности этой секты, было несложно. Мальца ищейка оставила в камере – этот увалень будет лишь обузой – но разрезала ему веревки. Вдруг будет второй занозой в этой лживой секте?.

Вздохнув, ищейка проверила крепления арбалета, качество тетивы и подобрала лежащий рядом болт. Эбена сжала зубы и молча пообещала себе разобраться в этом логове с предателями. Потом. Когда у нее будет своя банда.

...Когда ее, упавшую со спины рухнувшего и потерявшего сознание мага, подобрал сектант, то на благодарную улыбку девушки замахнулся из-под рясы взятым ножом. Опешившая Эбена выстрелила мгновенно – фанатик явно не ожидал, что у нее арбалет заряжен. К сожалению, из-за боли в ноге стрельба получилась отвратительной – болт застрял в теле, попав под большим углом. Раненый монах харкнул кровью, после чего начал неуклюже подниматься, но девушка добила ударом приклада в черепушку. Характерный хлюпающий звук – Эбена досадливо поморщилась, глядя на испачканный приклад – и висок убитого, войдя глубоко в мозг, превратил тот в кровавую кашу.

К ней, хохочущей, взяв на прицел, подошли сразу трое сектантов.

– Род деятельности, имя? – хмуро задал вопрос старший, выйдя вперед. Одетые в одинаковые крайне неудобные балахоны, они кажутся копиями друг друга. Эбена, утирая выступившие от смеха слезы, ответила:

– Ищейка, Эбена Локус!

Повод для радости был. Как говорила ее погибшая мама: «Жизнь можно выкупить двумя вещами – деньгами или удачей» и сейчас как раз второй случай! Если эти трое ее, раненую, убившую в рукопашной здоровенного явно не последнего в иерархии сектанта сейчас застрелят, то покроют себя позором. А может, просто хотят что-то с ней сделать. Их нелепая пауза, последовавшая после ее ответа, заставила воровку нервно хихикнуть.

– Мы отведем тебя к костоправу, – наконец ответил старший.

– Плата? – деловито, внезапно успокоившись, уточнила ищейка.

– Еда есть?

– Два молотка и две банки гвоздей, – решив, что еда им понадобится самим, ответила Эбена.

Те кивнули. Воровку охватило веселье. Началась игра в честных хозяев и добрых гостей, которая никак не могла начаться без чьего-то разбитого виска!

Эбена помотала головой, сгоняя воспоминания. Выправил, называется! Нет, помог-то помог, но вот данная в зубы деревяшка оказалась смочена чем-то, что не просто усыпило ее, но ввергло в беспамятство на несколько часов! В этот момент ищейка порадовалась, что в таком состоянии попала именно к «Очищению». Эта секта славится далеко не экстравагантными понятиями о нормальном жилье и странным подбором одежды, но своим запретом на касание еретика и неверующего. Прикоснувшийся сразу считается «грязным», после чего единственные его способ очиститься – это отмыть коснувшуюся кожу артериальной кровью, что частенько приводит к смерти. Причем не всегда сектанта. И хоть они не попортили ее тушку, но, твари, украли всю добычу! А после долгого сна ищейка поняла, что если не найдет еды, то сожрет вон того валяющегося стражника.

Оглушенный охранник застонал – сказать с кляпом он ничего не смог. Эбена весело хмыкнула. Быстро оклемался – ее рука явно теряет хватку. Конечно, нога все еще ноет, но она бегала и с кое-чем похуже. Подойдя к лежащему на полу огромного шатра, который эти фанатики называют комнатой, ищейка на глазах у распластанного сектанта нарочито медленно зарядила арбалет и нацелилась на живот.

– Для начала, я прострелю тебе желудок, возможно – задену кишки, – улыбаясь, проговорила Эбена, – После этого я выну болт, заряджу его снова и буду увлеченно ковырять ранку ножичком. Хочешь этого?

Сектант испуганно замотал головой.

– Вот и славно, – воровка нажала на курок и «чистый» застонал громче, свернувшись в позу младенца.

– Убедил, заточку доставать не буду, – оглядывая стражника, ласково произнесла Эбена, после чего вынула болт и зарядила арбалет. Из рваной раны обильно потекла кровь, смешанная с ошметками порванных органов, – Если, конечно, ты меня не заставишь...

Лабиринт комнат наконец упорядочился в голове Рафаэля. Похоже, они структурированы подобно паутине, только еще и в объеме – есть центральная башня и есть сообщающиеся с ней комнаты вокруг, сообщающиеся с ними комнаты вокруг них и так далее. Построение логических умозаключений закончились с выходом на этаж башни в центре. Какой – сказать невозможно. Номеров нет, да и все комнаты-шалашаи различаются только размерами.

Этот шалаш поражает своим убранством – похоже, центральные комнаты стараются сделать максимально богатыми. Он огромный и при должной фантазии похож на исполинский цилиндр – дюжину человек нужно поставить рядом, чтобы достать от края до края. Все покрывала насыщены красками, превращая тусклый зал в радужное соцветие, а проникающий извне дневной свет еще больше подчеркивает яркость, царящую внутри. Деревянная винтовая лестница ведет вверх и вниз, пронизывая центр комнаты. Восемь полотен закрывают однотипные ходы в комнаты, из одной из которых Рафаэль только что вышел.

Мебели нет в принципе. Долгие прогулки объяснили ему, что либо «чистые» почему-то ее не любят, либо здесь дефицит мебели, либо это, построенное из проволоки, сырых досок и тряпок сооружение попросту не выдержит обилие мебели. Так и здесь. Пусто. Красиво, ярко, пышно, упорядоченно, но нет никого и ничего.

Тишина развеялась чьим-то криком – голос раздался откуда-то слева, со стороны бесконечной череды комнат. Поправив грязную рясу, маг логично предположил, что его попутчица успела где-то наследить. Улыбнувшись уголками рта, он начал неспешно подниматься по лестнице вверх. Нужно вернуть вещи. Наверняка их хранят наверху, вдали от всеобщей сырости. Как и нечто куда более важное, что также находится там – карту этой тряпичной тюрьмы.

Навстречу ему пробежали по лестнице вниз два сектанта. Вдруг, остановившись, первый обернулся к Рафаэлю, мирно идущему наверх:

– Что там, брат?.. – голос звучит испуганно.

– Заключенная сбежала, – честно ответил маг и, по наитию, боясь выдать себя, спросил, – Старшего не видел, брат?

– Наставника Харви? – переспросил бегущий. Рафаэль неуверенно кивнул.

– Конечно, он в хранилище! А ты новообращенный?.. – подозрительно добавил тот, притормозив.

От ответа Рафаэля избавил нечеловеческий мужской крик. Перепуганным сектантам стало не до него и они рванули к покрывалу-двери.

Последний этаж – здесь лестница кончается. Насколько он помнил, седьмой. Причем в отличие от пустынного этажа ниже, здесь всё заполнено людьми. Люди в рясах деловито снуют от одного шатра в другой, некоторые переходят на бег, что в такой мешковатой одежде смотрится несколько забавно. Кто-то на кого-то кричал, кто-то где-то спотыкается, многие переговариваются на ходу – откуда их столько?!

Затеряться оказалось проще простого. Нырнув в толпу, Рафаэль прошел к ближайшему шатру и, пробежав по доске-туннелю, попал в любопытную комнату, редкую для дома «чистых» – в ней вещи теснятся, а не отсутствуют. Так значит, здесь все же есть мебель?

Хирургический стол в центре со множеством зажимов, веревок, узлов и прочих приспособлений, чтобы не в меру буйный пациент и ноготком пошевелить не смог. На нем сейчас лежит упокоенный мертвяк. Нутро обращенного, уставившегося невидящим зрачком в потолок аккуратно разрезано вдоль тела, органы вынуты и собраны по кучкам на деревянном столике рядом, каждая группа на своем блюде. Слева от прикованного тела на треноге крепко расположилась доска с холстом для записей и чертежей. А справа от трупа – стол со множеством хирургических приспособлений – пилы от миниатюрных до крупных, ножички, ножницы... у Рафаэля закружилась голова от всего богатства, коими обладает местный...

– Прошу прощения? – маг обернулся на жесткий металлический голос и увидел перед собой... странного человека. Старик, что сразу удивляет – в Городе они обычно не выживают. Разве что в элите кланов. Опрятная борода, запах мытого тела, на котором, что удивляет еще сильнее – не ряса, а фартук, похожий на кузнечный, – Что посвященный делает в моей мастерской? – неудовольствию старика нет предела.

– Бесподобно... – восхищение в голосе Рафаэля, смотрящего на богатства лаборатории настолько неподдельное, что мастер сменил поджатые губы на улыбку, – Неужели вскрытие тела дозволено писанием?... – маг осекся, поняв, что сболтнул лишнего.

– Не дозволено, – но старик и не думал звать охрану, – Снимай эти тряпки, маг.

– Так заметно?... – не подав испуга, с фальшивым неудовольствием в голосе спросил Рафаэль, предпочитая, все же, оставаться в рясе.

– Своего заметно за версту, – бросил мастер, проходя внутрь, – Вера верой, а деньги отдельно – без этой, пожалуй, самой главной заповеди Настоятель не смог бы сколотить из этой оболваненной толпы мужиков нормальную организацию. Потому и использует мага-костоправа. Не трясись, в мою обитель не сунется никто.

– Это хорошо, – Рафаэль размяк, – А почему?..

– Бояться, – туманно ответил старик, после чего провел раскрытой ладонью перед лицом Рафаэля. Тот рефлекторно сфокусировал взгляд на руке.

– Спи, – проговорил он и щелкнул пальцами.

Рафаэль почувствовал, как сознание устремляется куда-то во тьму...

Огонь перекинулся уже на третью комнату. В панике «чистые» носят воду, бегут по лестнице к Болоту, толкаются, спотыкаются, падают, но вся секта оказалась такой же пародией на муравейник, как и их дом.

Эбена, весело скаля зубы, бросила горящую деревяшку в четвертую комнату. О да, если б она с самого начала знала, как обращаться с этим странным магическим кремнем и огнем в коробочке как его... Рудольфа?... Рафаэля?... неважно! Это весело, это – уморительно! Сухая ткань центрального зала весело горела, сырые доски чадили, как и отсыревшие выцветшие наружные тряпки, а вот чистенькие внутренние, полыхая, оголяют скелет из проволоки, превращая гигантский дом в израненного осьминога с пылающими щупальцами...

Хранилище оказалось на втором этаже – Эбена прорывалась туда с боем, но оно того стоило! С шестого на третий дойти оказалось относительно легко – эти фанатики совершенно не ждут нападения внутри своего логова... ищейка, вспомнив, заливисто засмеялась.

Сектанты! Грозные защитники дома-крепости! Два прыжка к лестнице в центре – идущий вверх по ней фанатик удивленно оглянулся и округлил глаза, заметив воровку. Та хихикнула, воткнув ему нож в жирное брюхо. Явно тыловая крыса. Не дожидаясь звука падения тела, Эбена рванула еще ниже, удовлетворенно слыша разрывающий уши крик. Паника, нужно больше паники!

Тоненькая девичья фигурка соскользнула на шестой этаж – пусто. Можно бежать ниже!

Четвертая центральная комната встретила Эбену сразу двумя охранниками – уже интереснее. Воткнув заточку в горло первому, разворот – второй, зараза, успел полоснуть самодельным ножиком ногу воровки. Зарывав, та пнула фанатика в пах, после чего с силой обеими руками воткнула лезвие в затылок скрючившегося врага.

Третий лестничный пролет – совсем близко! – и никого. Захотав, Эбена кинулась вниз, но фортуна спасла ее – арбалетный болт панически стреляющего сектанта просвистел в пальце правее. Двое с арбалетами, но мешковатые балахоны явно мешают им стрелять на ходу – воровка с силой метнула нож, попав в глаз второму, что только начал прицеливаться. Раздался характерный щелчок – первый уже закончил перезарядку. Счет пошел на мгновения – на бегу, ищейка достала арбалет и, шестым чувством поняв, что времени для удара прикладом нет, тупо ткнула передним концом в живот сектанта. Раздался глухой звук рвущихся тканей, Эбена быстро-быстро вынула оружие.

Фанатик стоит, покачиваясь перед девушкой, но сориентироваться ему не дали – по-кошачьи зашипев, Эбена бросилась к его горлу. До боли сжав зубы, она почувствовала, что поймала удачу за хвост – за едва ощутимую нить вены. Дернув, вырывая ее, девушка ощутила соленый вкус победы.

Сплюнув, Эбена рванула еще ниже – туда, где по словам охранника находится заветное хранилище.

...Если карта не врет, две комнаты отделяют ее от здания, внутри кольца которых и расположился дом-улей «Очищения». Оказывается, путешествовать по этому тряпичному домику намного проще, просто вырезая в ткани сверху нужного размера дыру, что позабавило воровку. За спиной болтается заплечный мешок, набитый ее добром, украденное фанатиками, ну и кое-что в довесок. Карта-план здания – оттуда же и, что более важно – арбалет, её арбалет, а не местный самодельный аналог. Болты можно собрать в дороге.

Раздался крик – судя по звуку, где-то справа сектанта придавило падающей мебелью. Эбена хихикнула своим мыслям – нечего строить тряпичные дома.

Внезапно только-только зажившая нога взорвалась болью – изучающая план здания Эбена проморгала появление в комнате фанатика. Болт прошел вскользь, слегка задев, но распоров кожу до мяса. Вскрикнув, ищейка выронила карту и потянулась за ножом, но рядом с сектантом она кажется мотыльком – широкоплечий, высокий, тот может темечком достать до потолка. Мгновенно переместившись вперед, «чистый», без замаха обрушил ее на пол пудовым кулаком. Из разбитой губы пошла кровь, ищейка задергалась, пытаясь встать и не обращать внимание на боль, но гигант, наклонившись, ударил опять. В уголках глаз Эбены выступили слезы и сознание уплыло в спасительное небытие.

Разлепив веки, Рафаэль почувствовал, что не может пошевелить конечностями. Приподняв голову на ложе, маг увидел, что находится на месте того самого ходячего трупа, что лежал на хирургическом столе. Притом его ряса и полевой мундир лежат в стороне, обнажив торс волшебника. Прямо перед ним старик что-то чертит на холсте.

– Доброе, – мягко поприветствовал его мастер.

– Утро, – мрачно закончил Рафаэль.

– Как тебя зовут? Какой ты ступени?

– Рафаэль. Рафаэль Саут. Первая.

– Ты спокоен. Не боишься смерти?

– Я уже мертв.

– Поэтому ты ушел из Гильдии?

– И поэтому тоже.

Молчание. Наконец, старик повернулся к Рафаэлю и тот увидел, что на его лице застыла легкая улыбка одними уголками губ, глаза же будто горят жадой действий.

– Мое имя Вотан.

Неспешно подойдя к столику с инструментами, он действительно задумался.

– Знаешь, в чем основа веры в Очищение? – улыбнувшись и выбрав наконец миниатюрный ножичек спросил Вотан. Рафаэль молча покачал головой.

– Смысл в том, – продолжил тот, взяв точильный камень и со скрежетом начав затачивать нож, – Чтобы очиститься от грехов мира переживший Падение. Здесь его трактуют не столько, как наказание Всевышнего за грехи, сколько Его милость – возможность искупить грехопадение Города. Ты ведь знаешь, что городская стена, называемая всеми не иначе, чем Стена, – последнее слово Вотан произнес с сарказмом в голосе, – Не просто никого не пускает – оттуда никто не возвращается. По мнению Настоятеля, это – знак Всевышнего.

В этом причина запрета на касание прочих людей – они не выныривают из всеобщей грязи и прикоснувшись, можно опуститься до их уровня.

– Вы же ученый, – произнес Рафаэль, – В чем ваш интерес?

– Истина, – указательный палец вверх и закончив затачивать нож, улыбнувшись, ответил Вотан, – Ее поиск. Мы словно пауки в огромной банке. Кто-то же мешает нам пройти за Стену.

– В Гильдии ученые пришли к мнению, что это – последствия подрыва алхимических... – начал было Раф, но старик его перебил:

– Ученые могут себя успокаивать как им угодно. Я предпочитаю смотреть правде в глаза – пока мы не познаем истину, не получим настоящее могущество, способное объединить кланы и банды, чтобы противостоять закулисному игроку, мы так и будем разлагаться в этом аду.

Нож аккуратно прорезал кожу чуть ниже пупка Рафаэля. На лбу мага выступил пот – крика не последовало.

– Поэтому ты режешь людей? Так ты собрался найти оружие? – выплюнул он, чувствуя себя крысой на разделочном столе.

– Прошел медитативный курс? Научился самоконтролю? – иронично спросил Вотан, не обращая внимания на вопрос подопытного, продолжая делать ножом аккуратный надрез вдоль торса.

Рафаэль не ответил, чувствуя – мысли пропали, разум захватила боль, разум стал частью этой боли.

– Гильдия владеет знаниями – вот действительная причина нелюбви к ней. В Совете Магов сидят люди, которые если не приближены к пониманию истинного положения дел, то хотя бы кусочек оного должны знать.

Рафаэль взвыл – ножичек закончил свой путь, вспарывая кожу на животе, оголяя мясо. Обильно потекла кровь. Вотан сработал оперативно – взяв мокрую белую тряпку с каким-то раствором, он приложил ее к ране. Мгновенно напивавшись красным, она сумела остановить потерю крови. Маг не выдержал и взвыл от боли – торс словно прижгли каленым железом.

Сознание начало плыть. Моргнув, Рафаэль понял, что мир перед ним двоится... тропится... темень наступает со всех сторон. Лицо заливает пот. Облизнув губы, маг понял, что сознание проваливается во тьму.

Рафаэль проснулся. Тело по прежнему приковано к кровати, но внутренности обжигает болью. Старик словно не ложился – он что-то пишет на холсте.

– Боишься избытка дозы? – криво усмехнулся маг.

– Доброе утро, – раздался задумчивый голос.

– Утро добрым не бывает, – мрачно ответил Рафаэль.

– Нет, не смертельная, но я переборщил с разрезом, – вяло ответил Вотан, повернувшись. На его лице читается задумчивое выражение, – Ты вовремя проснулся. Оно подействует через семь минут.

– Почему ты хочешь сбежать? – спросил у мастера маг и в ответ на пронзительный взгляд старика добавил, – Секте нужна моя смерть – не опыты, а я не вижу рядом с собой ни одного фанатика. Тебе от меня проку мало – ни информации, ни чего другого я предоставить не могу. Насколько я могу судить, ты использовал брюшную полость для вживления зелья в организм. Почему не через рот?

– Тебя бы стошнило, – улыбнувшись, ответил Вотан.

– Настолько мощный препарат? – хмыкнул Рафаэль. Мастер кивнул.

– Мне нужно забрать карты и ключ.

Вместо ответа Вотан подошел к прикованной руке стукнул мага костяшками пальцев по тыльной стороне кисти правой руки. Кисть отозвалась болью.

– Ты вживил мне ключ в тело? – удивленно воскликнул Рафаэль.

– Да, – кивнул Вотан, – Карту я внимательно изучил и сжег. Запомни, парень, – старик посмотрел ему прямо в глаза, – Черный Шар мы возьмем вместе.

После чего развернулся и пошел прочь из лаборатории... или пыточной камеры? Рафаэль замолчал, поскольку почувствовал, что теряет дар речи. Немеют ноги...руки... тело наливается жаром. Помотав головой, маг понял, что горит незримым пламенем. Мгновение – и он впал в сладостное безумие.

Удар в живот ее разбудил. Эбена охнула и поняла, что ее рот захлебывается в крови. Сплюнув грязно-красным сгустком, ищейка отлетела на полметра – ее пнули вторично.

– Будешь марасть руки об нее? – откуда-то сверху раздался похотливый голос. Воровка с трудом подняла глаза – встать она неспособна – и поняла, что находится в комнате-шатре с кучей покрывал, выполняющие тут роль кроватей. Вокруг нее сгрудилось пятеро мужиков, но без ряс. Грязные, кое-где пропитанные кровью – не обязательно чужой – вонючие штаны и оголенные торсы. Общая спальня... подумала было Эбена, но следующий удар выбил из головы все мысли.

– Она убила брата Лейала, – зло воскликнул бивший ее сектант, грубо ругнувшись, – Она сожгла мастерскую и амбар, она превратила брата Ника в овощ!!!

Грубо схватив Эбену за волосы – та даже не успела пикнуть, тело ломит от боли, он закончил с удовлетворением:

– Братья, вам никогда не казалось, что в нашей обители не хватает сестер? – глумливо проговорил он.

Схватив было лапищами девичью фигурку, он не успел порвать кожаные одежды – ищейка, собрав всю волю в кулак, с силой ударила ему пяткой в пах.

– Ты будешь касаться ее грязи?.. – с фальшивым неодобрением в голосе спросил второй.

– Здесь нет костоправа, который нам мешает, – осклабился силач.

Тело Эбены мешком рухнуло на ткани. Двигаться нет сил – ломит руки, ломит ноги, тело горит болью. Она повсюду, она проникает во все клеточки тела, она...

Ее приподняли и швырнули на чью-то кровать. Мощные мужицкие руки пустили ее в полет словно пушинку.

Слезы. Воспоминания хлынули, спасая сознание. Маленькая девочка, спасающаяся с толпой незнакомцев из лежащего на востоке Портового квартала. Сердце Падения, место, где люди впервые начали обращаться в ходячих трупов. Ее тогда подхватил добрый человек. Спас среди своей банды в память о ее матери, отвез с собой за Заставу. Слезы. Грезящая безопасностью и счастьем, маленькая девочка уверена, что оставила позади все то зло, что таит в себе Мертвый Город. У нее теперь есть пахан, у нее теперь есть банда, у нее теперь есть защита. Пока она не поняла, что она стала его игрушкой. Слезы. Она рыдает, второй раз в жизни, обесчещенная маленькая девочка. Зарезавшая его наутро, проснувшись раньше. Первое убийство. Как она хохотала, кромая труп!!! Слезы, слезы, слезы...

Внезапно очередное тело на ней дернулось и обмякло. Но ищейка не чувствовала себя настолько, что не смогла даже сбросить с себя труп. Сознание плывет, один глаз заплыл, второй видит мир сквозь призму слезы. Тело, придавившее Эбену кто-то убрал, после чего на нее пристально посмотрело другое мужское лицо. Воровка даже не смогла набрать в рот слюны для плевок – губы ей предусмотрительно разбили, да так, что в кровь прикусила язык.

Эбене почудились голоса. Она даже слышала свое имя. Ее начали приподнимать – тело полоснула боль и воровка обрушилась во тьму.

– Брось ты эту шлюху!!! – крикнул Вотан, создавая защитное поле вокруг них, – Она тебя самого чуть в гроб не загнала!

Они перемахнули очередную баррикаду. После того, как два мага покинули этот чертов дом-муравейник и перебрались в полуразрушенные дома, стало намного проще. Двигаться по лабиринту значительно труднее, да и защищаться практически невозможно – куда ни зайди, всюду найдешь тупик, а центральную лестницу сектантам защищать предельно просто. Наверное, на это и расчет – легко пробираться врагу в обители «Очищения» практически невозможно, но Вотан предусмотрел все – по черному ходу из ложной стены им удалось выбраться в стоящее близ Болота полуразрушенное двухэтажное здание.

Ярость отступила быстро – по мнению Рафаэля, хотя сколько он был в состоянии боевого безумия под действием зелья не скажет никто. Оглядевшись, он обнаружил себя на центральной лестнице. Тело начало ломить сразу же – маг почувствовал себя выжатым лимоном. Вокруг – трупы, много трупов, не менее десятка. Не успевший отойти от дрожи в теле, Рафаэль не успел осознать содеянное, как рванул к мату. Соединиться с Вотаном удалось быстро чудом – тот нашел его лишь спустя около минуты после обретения сознания. Однако Рафаэль уже рванул в поисках выхода в ближайшую комнату. Тупик! Следующая... тупик, полный ящиков с сухарями. Кладовая? Схватив пару пачек и, наскоро запихивая в карманы в туннеле, Рафаэль пробежал в следующую комнату, где замер.

Комната. Спальня. Сектанты. Эбену.

Ярость словно никуда не уходила – пальцы Рафаэля заискрились. Мощный заряд тока вверг в бессознание ближайшего фанатика, после чего, схватив его самодельный нож, маг неумело вставил его в печень второго. Вынув, Рафаэль пошел с окровавленным лезвием дальше...

Эбена слишком тяжела. Конечно, он ее уже тащил на своих плечах, но после окончания действия зелья ему свое тело бы заставить нести на ногах!

Перемахнув через баррикаду с песком и лежащий арбалет, Рафаэль с Вотаном остановились напротив пролома в стене. Второй этаж. Внизу – Болото.

Сзади послышался топот ног. Отступать некуда. Прыжок – и маги ринулись в отливающую зеленым гладь Болота.

...Что-то склизкое коснулось ее лодыжки. В рот забила вода и сознание ищейки впало в панику. Грязная, отвратительно пахнущая жижа не отпускает. Нужно плыть. Барахтаясь, Эбена начала по-собачьи плыть, прочь, прочь от склизкого нечто, что вот-вот ее схватит.

Впереди она почувствовала яростно молотящими воду руками чье-то тело. Тоже плывет. Значит, она барахтается в верном направлении!

Стало страшно. Берег близко – кажется, что еще мгновение и удастся... ногу хватнула огромная пиявка. Или щупальце?...Эбена закричала дурным голосом – тело впереди начало отдаляться. Неистово изогнувшись, воровка подтянула ногу к себе и впила зубами в отвратительную желеобразную конечность. Мгновения борьбы – и она откусила кусок мерзкой твари. Ногу отпустило и Эбена продолжила плыть к берегу. Ищейка почувствовала, что время утекает, словно песок сквозь пальцы и оказалась права.

Вынырнув в ста шагах к северу от обители «Очищенных», Эбена поняла, почему в их сторону не летят арбалетные болты. Повернув голову влево – на логово сектантов – ищейка замерла от первобытного ужаса. Щупальца, десятки щупальцев вынырнули из воды, в молчаливом безмолвии. Вопли сектантов раздались слишком поздно – взвившись и натянувшись, словно струна, конечности твари рванули к дому-муравейнику. В воздух взвился рой

арбалетных болтов – но тщетно. Гнев чудища это только раззадорило – щупальца ломают сваи, соединяющие дом с мостовой, щупальца хватают людей, щупальца тянут дома на дно. В свою обитель.

Эбена побежала, движимая инстинктом. Впереди бегут два тела – нужно бежать следом. В голове бьется одна мысль – не отставать. Завернув за угол, ищейка испугалась, потеряв тела из виду, но вынырнувшая откуда-то слева из заброшенного дома рука схватила Эбену за шиворот, подтянув в свое укрытие.

Глава III. Руины

- Свяжи ее.
- Зачем?
- Свяжи. Просто поверь мне на слово.

Упрямо мотнув головой, Рафаэль приступил к сотворению сковывающего заклинания. С его навыками это заняло по меньшей мере минут пять и отняло столько сил, что он непроизвольно стер пот с лица.

- Зачем она тебе? – спросил Вотан.
- Она – отличная арбалетчица.
- Без арбалета.
- Она знает дорогу в Мертвый Город.
- Я тоже.
- Она – в банде Польпо.
- То есть – наш враг?..

У Рафаэля иссякли аргументы. Но мастер не спешит резать ей глотку, а лишь насмешливо смотрит на юнца.

Кажется, прошла вечность с момента их пробуждения. Маг отключился сразу же, как ноги коснулись безопасной груды мусора и обломков мебели, вперемешку с грязью и камнями – руин дома, ставших их укрытием. Натянутые мышцы разом расслабились, заставив тело мешком рухнуть вниз, разум поплыл в спасительное ничто. Девочка же, по наблюдению Вотана, не просто держится из последних сил – для него загадка, как она вообще могла бежать. В тот момент, когда ищейка застыла посреди улицы с пеной во рту в неестественной позе, он понял, что еще мгновение – и та рухнет прямо на мостовую, открыв раны неузнаваемого из-за запекшейся крови лица. Хорошо, что она легкая.

Вотан остался в сознании. Пока дети, уставшие, замерзшие, израненные спали мертвецким сном, старик проверил запасы. Выживших после плавания трав не хватило даже на полноценное лечение ищейки. Сухарей лежит дня на четыре в самом лучшем случае. Чистой воды – на два, и то если не мыться. Запас зелий и снадобий, предусмотрительно захваченных из лабораторий испорчен – все, что не разбилось во время бегства из ушедшей на дно обители покоится рядом с ней – склянки нещадно вымыло болотной водой во время плавания. Одежда промокла насквозь, причем у всех, а сменной – нет. Из всего оружия – самодельный нож сектантов в кармане Рафаэля.

– Так зачем она тебе? – после долгой паузы продолжил мастер. Маг промолчал, а старик продолжил:

– Играешь в героя?.. – улыбнулся он, – Зря. Героизм канул в лету два года назад и надо это усвоить. Ты же знаешь, кто она?

– Одичалая, – со вздохом произнес Рафаэль наизусть выученные слова из учебного курса Гильдии Магов.

- Правильно. Одичалая. А мы кто? – продолжил издевательским голосом Вотан.
- Маги.

Мастер кивнул.

– Посмотри на нее, – аккуратно взяв старческими пальцами за подбородок девушку, он указал на ее лицо. Кровавое месиво. Правый глаз зияет черным, рваные губы покрыты коркой, на лоб, ребристый от ушибов, вздутая же скула делает челюсть неестественно квадратной.

- Зубы целы, – неуверенно проговорил в ее защиту маг. Старик оскалился в усмешке:

– Как и левый глаз. Думаешь, после такого она посмотрит на мужчину иначе, чем на жертву?

Вспылить Рафаэль не успел – от прикосновения к челюсти Эбена проснулась и застонала. Когда же ищейка поняла, что не может пошевелить рукой, она в безумии открыла здоровый глаз и, начав было кататься по грязи укрытия, она взвизгнула от боли – все тело превратилось в ноющую рану.

Вотан приложил воровку ладонью по затылку. Та замолчала, в страхе и ненависти уставившись на старика.

– Говорить можешь? – скрывая эмоции, медленно проговорил мастер.

Эбена ответила не сразу – проглотив ком солоноватой слюны, она наконец выдавила из себя что-то вроде согласия.

– Ну вот и славно, – уже мягче сказал старик, – Меня зовут Вотан и если случится чудо, то я буду тем, кто тебя вылечит.

Это заявление поразило Рафаэля не меньше вида вынырнувшей из Болота твари. Он уставился на мастера, никак не ожидав, что Вотан будет ее лечить но тот от гримасы удивления на его лице лишь отмахнулся.

Опустилось гнетущее молчание.

– Если мы никого не встретим, то проживем пару дней, быть может – неделю. Встретим – еще меньше, – твердым голосом произнес Вотан и, посмотрев Эбене в глаза закончил, – Нам нужно найти укрытие, ищейка. Твоя банда могла бы...

– У меня дом рядом, – торопливо перебил мастера Рафаэль, – Достаточно близко. Нам хватит!

Старик прикрыл на мгновение веки, после чего устало кивнул.

Эбена, опираясь на Вотана, ковыляя, вышла на дорогу. Рафаэль, как самый боеспособный, с ножом в правой руке пошел первым. От них воняет. До неузнаваемости перемазанные в грязи, пыли, в рваной одежде, скривившись от ноющих ран, ими бы побрезговали даже бандиты, если, конечно, ими не движет желание повеселиться.

Город разделен на пять кварталов – по сторонам света и один в центре. Защищаемые от мертвецов Болотом, их делят кланы, кроме одного – Центрального. Изначально будучи жаргонным названием, это слово прочно закрепилось и теперь его используют не только люди с большой дороги, но и паханы банд, и лидеры кланов. Вокруг Города проходит Стена – в далеком прошлом городская, опоясывающая этот великий и огромный торговый центр, ныне же – таинственная завеса, отделяющая Мир от Города. Толщиной в несколько и высотой свыше десяти ярдов, она нависает над выжившими, давя неприступностью и мощью. Что лежит за ней не знает никто. Ходят разные слухи. Одни говорят, что весь мир поглотило Падение и теперь кланы защищают Город от полчищ мертвецов извне. Другие – что Город выпал из времени, выпал из Вселенной, а все, что его окружает – лишь иллюзия. Сектанты всех мастей придумывают еще более экзотические теории, но факт остается фактом – подданные Короля так и не дождались своего властителя. Ни бароны с соседних земель, ни герцог, ни сам монарх – никто не постучался в ворота.

Три клана держат Стену. Гильдия Магов – самый авторитетный из них. Расположившись в магическом квартале на холмах, она разрушила Северные ворота в ходе своих изысканий, стремясь волшебством покинуть ненавистный Город. Весь Северный квартал – собственность Гильдии Магов. После чего отгородилась от мира, не прекращая, все же, войны за влияние. Маги, пожалуй, представляют единственный островок порядка в бушующем беззаконии северян благодаря ежедневному и еженощному патрулированию владений. Они

сумели восстановить производство зелий, снадобий и мазей, сумели воссоздать систему обучения и даже сохранили власть закона на своей земле. Одичалых же, к коим причислили всех, обделенных магическим даром, Совет Магов призвал уничтожать. Всегда и везде. Ибо они – нелюди.

День клонится к вечеру. Пышным светом расцветает закат, утопая в разрушенных крышах бесхозных домов далекого и бескрайнего Запада. Прочертив небо божественными стрелами рыжие, огненно-красные, багряные лучи, касаясь тяжелых нависающих облаков, дарят Городу теплоту уходящего дня. Но красота, ослепляющая тянувшихся к солнцу душ конечна – и это их терзает. Миг захода солнца, подводящий черту прожитого дня настолько же короток, насколько будет казаться вечным идущая за ним ночь. Улица гнетет тишиной. Путь на север пуст, но мгновения падают в прошлое почти осязаемо – словно песчаные крупинки в часах. Отвел взгляд на Болото, неслышно таящее в себе подводную тварь – и вот одна небесная стрела погасла. Огляделся в нагромождение руин слева – погасла вторая. Звезды – вот, чего не хватает. Звезды – вот, что приходило на смену закату все лето. Теплым, давно ушедшим летом.

Морось стихла за день, проведенный в стенах обители секты, но сырая мостовая все такая же скользкая. Светило уже не так греет, а ветра, движущиеся с востока – с останков Мертвого Города – приносят с собой могильный холод. Зима надвигается. Клань, продолжающие нескончаемую грызню, продолжают делить сферы влияния. Но холод не будет их ждать.

Безлунная ночь страшит. Все руины начинают казаться укрытиями – наподобие тех, из которых они вытащили свои кости. Каждый поворот пугает неожиданной встречей. Любое шевеление впереди навевает мысли о приближающейся твари.

Всюду враги – вот философия Города.

Вотан остановился. Груда камней впереди, близ небольшого серого строения шевельнулась. Он точно это видел!

– Что?.. – сонно проговорила Эбена. Она с видимым трудом держится на ногах – тело жаждет сна, еды, но особенно – воды. Много воды. Идти не желает абсолютно. Но девушка, осматриваясь единственным глазом, не могла не идти. Остановиться – значит умереть.

– Свора, – вполголоса подтвердил Рафаэль мысли мастера, кивнув. Скорее не увидев, а почувствовав. Рука сжимает нож, голова чиста. Сердце мгновенно ускорило свой бег, предчувствуя бойню, но взгляд мага тверд, лицо непроницаемо. Свора любит страх. Свора идет на страх. Свору манит страх.

Промокшая обувь чавкает, отдавая склизким нутром по стопе. Разносящийся в ночной тишине звук раздражает, словно комар над ухом.

– Снимайте сапоги, – сухо произнес старик. Рафаэль хотел было что-то сказать, но видя сжатые зубы и не терпящий возражений взгляд мастера, подчинился.

Маг подошел было к Эбене, чтобы приподнять ее, взяв за бока, но на прикосновение та вздрогнула всем телом и, размахнувшись смазанной в темноте тенью, с силой ударила его кулаком в нос.

В шоке отлетев, Рафаэль с громким всплеском рухнул в болотное мелководье. Тряся головой и вставая, маг заметил неувловимое изменение. Воздух словно накалился напряжением. А после он услышал глухое рычание.

Рука, движимая натянутыми от страха нервами, с зажатым в ней ножом словно сама ринулась вперед. Заточенная кромка вошла псу в горло по самую рукоять, но туша твари, летящая по инерции обрушила мага, придавив.

Вотан среагировал не хуже – совсем не со старческой скоростью развернувшись, он пропустил свою собаку мимо себя, после чего, резко сблизившись, вонзил припрятанный даже от спутников крупный осколок разбитой склянки в горло.

На Эбену же, учуяв запах крови, налетели сразу две псины, но та, потеряв равновесие после удара на шатающихся от боли ногах рухнула на мостовую, крепко приложившись носом. Псы пролетели над ней, развернувшись.

Вынув окровавленный нож, Рафаэль с рёвом ринулся на одного из них. На пальцах левой руки начали формироваться красные искорки. В мгновение ока соединившись, они покрыли ладонь полыхающим пламенем. Скаля зубы, маг с удовольствием обрушил ее на морду правой твари, пытаясь задеть ножом левую. Неистово заскулив, первый пес бросился в сторону, прижавшись брюхом к мостовой, начав тереть сожженный нос. Второй же, легко отпрыгнув, бросился на Рафаэля.

Клацнув зубами в дюйме от лица мага, он взвизгнул и рухнул. С мостовой молча поднялась, спасшая спутника ударом в пах твари, Эбена.

Пытаясь успокоить колотящееся сердце, Рафаэль воткнул в упавшего пса нож. Затем повернулся к обожженному. Лежащая на мостовой тварь, скуля, водит сожженным носом из стороны в сторону, боясь касаться им чего-либо. Когда маг подошел к ней та, визжа, ринулась прочь.

– Не обольщайся, – раздался насмешливый голос старика позади Рафаэля, – Вопреки здравому смыслу, большие стаи не всегда бояться огня. Страх перед вожакom иногда сильнее.

Неприсоединившиеся – самые странные люди из всех. Мясо. Дичь. Среди банд их называют «серыми», ставших плоть от плоти Города. Забитые и всеми унижаемые, либо свихнувшиеся на своей свободе волки-одиночки, но всегда – вне системы. Неприсоединившиеся доминируют в Центральном квартале – вечной арене кланов. Самый небезопасный и открытый всем ветрам, его невозможно удержать в принципе. Никому. Банды там появляются также быстро, как и распадаются. Их претенциозные названия, уверенный взгляд, броская униформа появляются вместе с найденным или отбитым схроном оружия – и пропадают вместе с ним. Тем не менее, серые составляют большинство живущих в Городе. Если исключить ходячих трупов, конечно же. Прибившиеся к помойкам и руинам, вечно движимые голодом и холодом, неприсоединившиеся подчас вооружены лишь кухонным ножом. Тем не менее, они живы. Их не защищают неприступные стены, как кланы, их спины не прикрыты соратниками по банде, а магические способности и подавно не спасают их жизни. Но многие семьи серых уже обзавелись детьми, не только выживая, но и живя. Мир Города – их мир.

...Рафаэль молчал. Говорить не о чем, да и его голос с заткнутым ошметками сырой одежды носом звучит гнусаво. Кровь хлестала долго – одежду рвать сложно, руки скользят. Пока ножом отрезали кусок, пока поделили его, поток крови от меткого удара кулака воровки потихоньку ослаб.

– Почему вы меня не убили? – внезапно подала голос ищейка. Ее хриплый голос словно разорвал своим карканьем ночную тишь.

– Ты нужна, – отрезал Вотан.

– А почему вы меня спасли? – с удивлением в голосе проговорила Эбена.

– Ты – полезный боец, – прогнусавил Рафаэль.

Возникшее молчание огласилось смешком. Удивленный маг, повернув к ней голову, увидел улыбающуюся воровку. Спустя миг она показала зубы, растянув рот до ушей. Поняв

комичность собственного ответа, глядя на израненную ищейку, Рафаэль тоже не смог сдерживать улыбки. Вотан хмыкнул.

Мгновение – и захохотали все. Резко мотнув головой, Рафаэль потерял с таким трудом отрезанную ткань, у Эбены порвалась корка на виске, Вотан, забыв об опасности, согнулся пополам от смеха.

- Нет, серьезно, я слишком слабо ранена, чтобы стать еще полезнее!
- Да ладно, разбивай ты так носы псам, наша помощь была бы не нужна!
- А не надо руками размахивать!
- Галантному джентльмену уже даме помочь нельзя?!
- Ты мне чуть ребра не сломал...

Эбена ойкнула, покачнувшись. Рафаэль помог ей выдержать равновесие. Вотан неодобрительно покачал головой своим мыслям и сказал, успокоившись:

- Через полсотни ярдов поворот. Эбена, можешь сама идти?

Ищейка кивнула. Они продолжили путь. Напряжение ушло. Кровь – коркой на лицах, вымазанная на одеждах или неспешно идущая из недавних ран перестала давить на разум, став чем-то обыденным, нормальным, привычным. Рваные одежды теперь кажутся удобнее и легче, а что до запаха, так он только подстегивает желание дойти! Идти стало легко. Даже Эбена ускорила шаг.

– А ты ведь не маг, Вотан, – спустя какое-то время сказал Рафаэль, улыбаясь, – Зачем ты солгал тогда?

– Волшебник волшебнику рознь, – добродушно ответил старик, явно не желая вдаваться в подробности, – У меня своя специализация.

- Какая же? – живо заинтересовался маг.

Вотан неопределенно мотнул головой.

– Интересное предположение, – прокаркала Эбена – сухое горло не дает говорить иначе, – У меня другой вопрос – почему ты помогаешь нам?

Рафаэль хмуро посмотрел на мастера, но тот ответил не сразу.

– Есть легенда о Плывущем Корабле, – проговорил наконец старик, – Ее мало кто знал даже до Падения. Давным-давно Король направил исполинский корабль в колонии. Гигантский парусник, он поражал воображение жителей столицы, а строить его поручили лучшим плотникам страны. Лакированные изгибы корпуса, треугольные паруса, могучий нос с прекрасной валькирией. Красавцу дали имя «Ковчег» и поручили доставлять каторжников в далекие колонии. Однажды он пустился в плавание под несчастливой звездой – свернув не туда, кормчий завел корабль в отпугивающие неизвестностью туманные моря. Не знал кормчий о страсти между капитаном и плененной атаманшей разбойников. Каторжники называли ее Госпожой. Яркая, словно молния в летней ночи, безумная, будто ночной шторм и соблазнительнее самой сирены, она обворожила старого морского волка. И вот, безлунной ночью, когда «Ковчег» пропал в объятиях тумана, вставив похищенный ключ в замок, Госпожа вырвалась на свободу, подняв сокамерников. Грянул бунт, моряки бились насмерть, но смерть забрала и помощника капитана, и его самого. Но все же остатки королевских гвардейцев сумели с несколькими матросами заблокировать себя в капитанской каюте, защитившись от беспощадной Госпожи, в бою ставшей настоящей фурией. Каторжники, захватившие корабль, ринулись вниз, на склады, но их не пустила закрытая дверь, печать к которой захватили с трупа капитана верные гвардейцы. Ни еды, ни воды. Что же дальше?.. туман сгущался, еженощно забирая душу. Люди начали пропадать, еда стала плесневеть, вода тухла. Корабль плыл словно сам по себе – паруса натягивались от ветра, руль, казалось, находился в руках бесплотного невидимого призрака. Заперевшись внизу, Госпожа приказала резать людей. Она надеялась когда-нибудь выбраться из мертвецких лап тумана. Выплыть к берегу. Кровь, смешанная с тухлой водой и ромом, и жареная плоть поддержи-

вали жизнь каторжан. На корм шло все – даже кости перемалывали в труху и ели. Спустя неделю матросы наверху начали слабеть. Каюта капитана готова была стать общей могилой, но выйти к призракам тумана, невидимыми стопами заставлявшие скрипеть сырые доски палубы не решался никто. Наконец, трясаясь, гвардейцы топорами пробили дыру вниз. В ад, от которого царство Госпожи отличалось лишь могильным холодом. Обезумев от застилающей глаза ярости, от гложущего желудка голода, они разорвали полуживых солдат и матросов и сварили бульон. Только потом, в суматохе, начали искать печать. Но тщетно. Тщетно. Тщетно. Опутанные страхом, сжираемые голодом, они продолжали плыть.

Ночь словно сгустилась вокруг Рафаэля. Эбена поежилась.

– Они доплыли? – с надеждой маленькой девочки спросила она.

– Кто знает, – задумчиво проговорил старик, – Кто знает.

Груда камней впереди, чуть дальше поворота, напомнила Эбене начало истории. Развалившийся балкончик заброшенного здания, куда ее погнали собаки.

– Налево? – осведомился Рафаэль.

– Налево, – подтвердил Вотан.

Мужчины, дойдя до перекрестка, пошли прочь от Болота на запад. Ищейка, не сказав и слова – медленно заживающие раны отдаются болью от каждого шага, от каждого произнесенного звука – двинулась за ними. Конечно, у страха глаза велики, но она точно помнит, что собак было больше. Намного больше – не меньше двух десятков. Если напавшие на них псы откололись от нее, то мучает лишь один вопрос – почему?

Старик что-то спросил у Рафаэля, тот что-то ответил. Эбена покачала головой. Окутанная тьмой, она едва видит собственные руки, ориентируясь по идущим впереди спутникам. Сил осталось мало. Путь, драка, разговоры – все это выцеживает ее по каплям. А идти еще долго. Спать, очень хочется спать. Но нельзя. Нельзя!

– Тьма сгущается перед рассветом, – услышала ищейка голос Вотана, – Нам осталось немного.

Словно в подтверждение его слов, впереди послышался кряхтящий звук. Словно кто-то через стиснутое горло равномерно пропускал воздух. Это в равной степени может быть смехом, предсмертным хрипом или кашлем. Разнесшийся вдаль, звук поднялся едва слышимым эхом по окружающим мостовую руинам.

Троица остановилась. Только остановилась – как звук смолк.

Тишина давит. Вместе с морозным ночным ветром, вместе со сгустившейся темнотой ночи, вместе с нависающими обломками многоэтажных зданий вокруг, вместе с закрадывающимся под кожу страхом неизвестности впереди она терзает три души, оказавшиеся единственными на забытой и потерянной людьми дороге, где нет места живым.

Пару мгновений спустя каркающий звук раздался вновь, приблизившись. Эбена испуганно замерла. А потом, внезапно прояснившимся взглядом, она увидела, как к ним приближается нечто.

Волоча перед собой сломанную левую ногу, неестественно вывернутую левую ногу, сломанную в коленной чашечке, держащуюся за ошметки кожи и мяса, к ним приближается ходячий труп. Глазное яблоко, бессильно висящая на нервах, покачивается от ходьбы и постукивает по покрытой язвами щеке. Череп лыс и обгорел, руки бессильно свисают вдоль ободранного нагого туловища.

Он кашляет. Нетронутые легкие бездумно продолжают работу, вгоняя воздух внутрь, но изорванное горло пропускает его с кашлем. Медленно идущее тело дергаясь и разваливаясь на части, продолжает изо всех сил идти по улице.

– Зов, – прошептал Вотан, не обращая внимания на лица онемевших спутников, – Зов Болота.

Рафаэль с трудом отвел от идущего в их сторону уже в десяти ярдах трупа и повернул полное непонимания лицо в сторону мастера. Но тот покачал головой, молчаливо отвечая на невысказанный вопрос. Есть вещи, которые не понять. Которые, возможно, никто не поймет.

Маги остановились, с молчаливым сочувствием и жалостью смотря на идущий труп.

Рафаэль, наверное, даже не почувствовал, когда она выдернула с его пояса нож. Тело зазвучало какофонией боли, но послушно выполнило приказ разъяренного сознания. Эбена в ненависти за пару мгновений пробежав к разломанному трупу с силой воткнула в пустой зев глазницы зазубренное лезвие.

Труп остановился. Ищейка встретила с ним взглядом. Полуразложившийся целый глаз мертвой тенью словно скользнул в душу Эбены. Миг – и наваждение исчезло. Медленно пожираемый чумой, мозг утоп в крови. Дернув за рукоять неожиданно трясущимися руками, ищейка вынула из глазницы нож. Пугающее уже успокоившееся тело рухнуло на мостовую.

Когда опешившие спутники ее догнали, Эбена осела рядом с мертвецом, обхватив себя за плечи. Все тело сотрясает мелкая дрожь, смертельно уставшие ноги не могут поднять ставшее вдруг таким тяжелым тело. Разум затуманился и воровка рухнула в спасительную черноту ночи.

Рафаэль взвалил едва дышащее тело спутницы на плечи. Мертвецки ноющие мышцы отдались болью, но, покачиваясь, маг молча пошел дальше. Старик хмуро проводил его взглядом и, словно нехотя, начал идти следом. Долгое время они шли молча.

– Напомни, зачем она нам нужна? – внезапно задал вопрос Рафаэль.

– Хороший вопрос, – послышался ехидный старческий ответ.

– Ты же знаешь причину, – нетерпеливо проговорил маг.

– А ты? – продолжил Вотан. Рафаэль промолчал.

Наступив на что-то скользкое, мягкое и теплое, Рафаэль чуть было не упал, но сумел удержать равновесие. Испуганно посмотрев вниз, маг увидел невидящие глаза пса. Горло вырвано – голова болтается на одних шейных позвонках, труп распластался в луже крови, испачкавшей рваные одежды юнца, тушка же пробита рваными ранами с пирующими на них мухами.

Подошедший Вотан молча указал пальцем вокруг. Семь песьих трупов. Крупнейшие и самые здоровые из стаи, не считая одной – с роем насекомых на спине. Рафаэль расширил глаза от удивления – он помнит эту собаку! Она жрала вместе с остальными те два трупа, которые они с отцом обнаружили во время патрулирования. Но это значит, что кто-то очень сильный был здесь всего несколько часов назад.

Оглядевшись, Рафаэль начал узнавать знакомые черты перекрестка. Далеко позади осталось Болото, впереди – дорога в Центральный квартал, а вот справа... справа – та самая улица, где погиб его отец. И где-то там – особняк Саутов. Убежище.

Вотан коснулся его плеча и молча указал на мостовую. Дорожка крови, оставленная упокоенным Эбеной трупом ведет куда-то вправо. Заканчиваясь позади, она проходит через тела псов и заворачивает. Рафаэля поразила страшная догадка. Не помня себя, он побежал по ней направо, к трупу Кристофера. Пусто.

Городская Стража. Окутанный своеобразными легендами и тайнами клан. Замкнутый и держащий в страхе и контроле весь Южный квартал. Люди ее называют просто Стражей, хотя защищает она только себя. Впрочем, как и все живущие в Городе. Сплоченное воин-

ское братство, бывшее гарнизоном на случай осады укрепились в неприступных казарменных комплексах, но самое главное их богатство – склады. Гигантские, чистые, защищенные и оборудованные всем необходимым для хранения запасы зерна, сухарей, защищенные колодцы с чистой водой и многое другое – все, что необходимо на случай долгой осады. Город до Падения было практически невозможно взять штурмом, но даже если бы враг окружил его, надеясь захватить измором, то на складах, по слухам, хранятся тонны еды на несколько лет всему населению. Однако после Падения, Начальник Стражи – Третьяк Думск – запретил бесплатную раздачу еды. Он также дал наказ очистить Южный квартал от всех врагов – от банд, от сект, от ходячих трупов. Полгода шла война за власть над ним, против Стражи объединились и фанатики, и ворье, и даже многие серые из числа профессиональных солдат. Но тщетно. Имея лучшее вооружение и полный запас припасов, Стража давила разношерстные отряды многолетней выучкой и превосходной организацией. Тем не менее, ее бескомпромиссность война против всех сделала стражников изгоями. Южный квартал отныне стал одним из самых безлюдных в Городе, но все же там живут выжившие. Стража дает своим доверившимся защиту ото всех, но сама облагает их такими поборами и требует такого подчинения, что не каждый может там выжить. Достаточно сказать, что они оставляют за собой право убить любого за поступок, который посчитают неправильным, а все жители Южного квартала получают специальную метку каленым металлом на правое запястье, признавая, что они – собственность Третьяка Думска.

Одеревенелые ноги, движимые остатками энергии, бегут, гонимые страхом. Эбена, лежащая на плечах, давит так, словно он несет саму небесную твердь. Им повезло, что вблизи оказались старые трупы. Пусть их рефлексы лучше, чем у молодняка, пусть их опыт больше, но тела их уже не те. Чума, мгновенно добирающаяся до мозга, пускает свои корни во все тело, поедая и разрушая его годами. И чем дольше ходячий труп заражен, тем он слабее физически.

Жажда крови есть у всех них, именно по ней они чувствуют добычу. Бывшие некогда людьми, теперь, идущие по воле желудка, ходячие трупы алчут мяса.

Когда Рафаэль с Вотаном оглянулись, то увидели около десятка смотрящих невидящими зрачками перед собой пар глаз. Не менее пяти дюжин мертвецов, хрустя, поедали тем временем трупы собак, лакая из особо обильных луж крови.

Опустив взгляд на мостовую, маг продолжил бег. Он не чувствует ног. Они движутся как часы, лишь вместо тиканья слышится мерный гулкий перестук подошв о камень. Сзади слышится хрип – твари все ближе. Отделяющее от них расстояние в дюжину ярдов медленно, но неотвратно, как сама смерть сокращается. С юга, со стороны тварей, подул легкий ветерок, будто старуха с косой уже распахнула свой саван. Эта мысль придала Рафаэлю сил – громко застонав от боли, маг ускорился.

Вотан бежит впереди. Вот, кто держится лучше всех – худощавый старик словно ни капли не устал, лишь изредка смахивая выступающий на лбу пот рукавом.

Время словно застыло. Кашляющие звуки, исходящие из мертвого горла тварей позади не отстают, но и отдаляться не спешат. Голова опустела, лишь одна мысль пульсирует в расудке – нужно бежать. В темени ночи движение не ощущается. Десятки домов – разрушенные, частично целые и даже кажущиеся крепкими, но давно заброшенные – слились в грязную мглу, в сплошную палитру серых красок. Ноги словно вросли в мостовую – каждое движение будто отрывает тысячелетние корни, с таким трудом оно дается.

Внезапно Рафаэль почувствовал шевеление на спине. Раскрыв глаза от охватившего его ужаса, он рванул как можно быстрее, заметно прибавив ходу. Внезапно его шею сзади

обхватила чья-то тоненькая рука и Эбена, очевидно пришедшая в сознание от тряски, прыгнула вниз. Чуть не запутавшись сонными ногами, ищейка бы упала, но грубо схватив ее за запястье и дернув на себя, Рафаэль потащил ее за собой.

– От... кого... на этот раз? – задыхаясь от быстрого бега прохрипела-прошептала Эбена.

– Трупы, десяток, – бросил сквозь зубы Рафаэль, чтобы не расходовать драгоценные крупницы сил на диалог.

Ищейка кивнула.

– Осторожно! – крикнула Эбена, но было поздно. Сорвавшаяся со второго этажа дома слева тень рухнула, лязгнув гнилыми зубами в дюйме от лица Рафаэля. Тот отшатнулся, но, развернувшись и замахнувшись, неуклюже попытался атаковать ножом. Мертвец даже не уклонился – маг промазал.

Эбена, вздрогнув, далеко откинув зажатую в кулак ладонь и, наклонившись, перенеся вес тела вперед, обрушила ее в зубы ходячему трупу. Костяшки пальцев вошли в череп твари, сломав зубы, пробив глотку и крошащийся от болезни череп, выйдя из затылка.

Ищейка взвизгнула от боли, вынимая руку назад, задевая запястьем ошметки черепа и осколки зубов, но мужественно побежала дальше.

Проводив ее восхищенным взглядом, Рафаэля пронзила тревога. Грубо ругнувшись, он рванул вслед за ней, закричав:

– Рана!!! – крикнул он, выдыхая воздух, после чего вдохнул на бегу, – Эбена, ты не ранена?

Ищейка, истекая кровью – быстрый бег и удар рукой снова открыли успевшие зажить раны и расхохоталась заливистым смехом на бегу. Рафаэль подумал и хмыкнул. После чего, глянув на измазанную чужой кровью и мозгами до локтя руку ищейки, тоже захохотал.

Эбену охватило чувство эйфории. Передышка залечил не только многие раны, заставив открыться второй глаз, но и подлечил рану душевную. Погоня и бегство – это же ее стихия, как-никак... а это ошеломленное лицо Рафаэля она запомнит надолго, уж явно он не ожидал от хрупкой ищейки подобного результата. Воровка улыбнулась своим мыслям.

Задумавшись, она чуть было не рухнула, в последнее мгновение успев перепрыгнуть через поднимающееся с мостовой тело. Остановившись и оглянувшись, Эбена узнала в теле старика-мага. Вотан, чертыхаясь, поднимается. Догнав его, Рафаэль прямо на глазах ищейки без жалости дернул за торс, заставляя старческое тело подняться. Закричав, воровка указала назад.

Не далее, чем в двух ярдах прошелестела, вспоров воздух, гниющая рука ходячего трупа, нагоняющего тройцу. Рафаэль, ударом помогая Вотану набрать нужную скорость, побежал следом. Эбена, бегущая впереди всех, оглядываясь с волнением на спутников, впечаталась виском в ограду из железных прутьев. Упав, ищейка начала неловко вставать.

Краткий крик радости Рафаэля сменился бранью – торопливо наложив руки на ворота забора особняка Саутов, он скороговоркой начал бормотать заклинание снятия защитного барьера.

Вотан, бегущий последним, оглянулся. На спокойном старческом лице не осталось места страху. Видя приближающихся ходячих трупов, он одним движением порвав рубашку на две части, обмотал ими руки до плеч – чтобы ненароком не получить царапину. Эбена с расширившимися глазами увидела вместо дряхлых выпятившихся костей могучий худощавый торс, увитые мышцами руки и словно литую грудь. Возбужденная боем, Эбена одним движением вытащила из кармана бормочущего Рафаэля нож и встала рядом.

Первого мертвеца они приняли вдвоем. Нож бритвой полоснул сонную артерию, а Вотан с силой вдарил твари в грудь, заставив отлететь назад. Разворот – и кулак пробил следующему грудную клетку. Эбена отступила под градом ударов, одним чудом уклонив-

шись ото всех, ожесточенно огрызаясь ножом. Трое сразу же надели на Вотана, один даже располосовал ему одежду на левой руке, к счастью, не повредив кожу.

Кружающаяся в смертельном танце с мертвецами Эбена все же сумела метким ударом навеки упокоить ближайшую к себе тварь, вставив лезвие ей в глазницу, но, подавшись назад и ожидая встретить спину Рафаэля, начала падать. Услышав поток тихой брани позади себя в свой адрес и поняв, что маг наконец-то вскрыл ворота собственного дома, Эбена мысленно порадовалась за расторопность Рафаэля и лисицей скользнула за ограду.

Вотан, отбиваясь врукопашную от наседающей полудюжины ходячих трупов, краем глаза заметив бегство ищейки, рванул следом.

Маг, на подламывающихся от усталости ногах из последних сил захлопнул ворота. Магическая защита сработала сама по себе, сковав цепью ограду, влив в нее ворота сплошной стеной. Беснующаяся толпа трупов осталась снаружи.

Ноги Эбены подломились и та упала на траву, чувствуя каждый ноющий нерв, каждую болящую мышцу и каждую раненую клеточку в своем теле. Прикрывая глаза, она улыбнулась. Все. Она в безопасности. Можно спать.

Вотан грузно опустился. Старческие глаза заливает пот, голова, словно раскалываемая изнутри, полыхает. Воздав благодарность Всевышнему, мастер смежил веки.

Рафаэль рухнул на траву. Усталость заполнила все его тело, проникая везде – от полного пустотой мыслей разума до кончиков ногтей. Руки плетью обрушились рядом, ног же он не чувствует. Последнее, что увидел маг, прежде чем уснуть – пламенеющее на горизонте небо.

Рассвет.

Глава IV. Особняк

Рафаэль проснулся от толчка. С огромным трудом разлепив глаза, маг понял, что не может никуда идти. И не очень-то и хочет. Солнце, лежащее в зените, ослепляет ярким светом, чудом пробив нависающие облака. тщетно пытается заставить его проснуться. Блаженно улыбаясь, Рафаэль даже не пытается сопротивляться, поскольку ничто не заставит его проснуться. Он дома. Запечатанная волшебством ограда защищает его от любых врагов – что от ходячих трупов и собак, что от бандитов и других магов.

Толчок, на этот раз – сильнее, почувствовался вновь. Завертев головой, Рафаэль хотел бы повернуться на другой бок, но тут же получил пинок в живот. Кто-то захихикал прямо над ухом.

Рассвирепев, маг вскочил. Ладони заалели весело играющими языками пламени, возникшими прямо на коже. Открыв глаза, он ослеп от яркого света. Этим воспользовался хохочущий недруг, заведя левую ногу за его лодыжку, после чего легонько толкнув справа. Неуклюже завертев руками, Рафаэль рухнул вниз. Пламя потухло.

Сквозь свет маг увидел стоящую на своих двоих Эбену. Ее лицо из кровавой маски превратилось в маску цветную – она может видеть раненым глазом, но тот сияет чернотой на ее лице, скулы вздулись, но тщательно промазаны какой-то клейкой зеленой мазью, волосы аккуратно собраны в пучок, чтобы не дай бог задеть трех гигантских – в половину кулака толщиной – присосавшихся бордовых жуков. Тем не менее, было видно, что ищейка первым делом тщательно вымылась – сверкая аристократической бледностью кожи, она явно оделась с природным женским вкусом – коричневая кожаная куртка с ремешками-застежками сверху полностью закрывает округлую грудь, очерчивая ее, заканчиваясь на шее, закрывая ее, а внизу стягивает осиную талию легким корсетом. Руки же закрыты черными облегающими их перчатками до плеч, защищая ищейку от яда ходячих трупов в рукопашных драках.

Воровка смеялась. Проворчав что-то злобное про девок, что будят ночных героев, Рафаэль встал.

– Вотан тебя уже заждался, – доверительно сообщила Эбена.

Залитый лучами дня сад кажется спящим. Пугающий своей мертвенностью в подлунном свете, под светом же солнца он раскинулся будто старуха с седыми локонами, уснув на кушетке за вязанием. Тем не менее, осень действует на него, словно трупный яд на человека. Желтеющие листья опадают с сохнувших деревьев, заботливо ухоженные в далеких детских воспоминаниях клумбы заросли сорняками настолько, что не зная, где они были, найти можно только случайно. Деревья, посаженные по определенному плану и замыслу, теряют весь свой порядок в выросшей, а теперь медленно гибнущей и иссыхающей траве, что совсем недавно была в пояс, теперь же словно проседающей под собственным весом.

Мать любила этот сад. Он помнит, как она возилась с ним, заботливо пропалывая и даже обрезаая лишние, кажущиеся ей некрасивыми ветки. Далекое и прекрасное детство.

Двухэтажный особняк своими размерами не потрясает. Напротив – весьма и весьма скромный, особенно если мысленно поставить его рядом с роскошными домами знатных и богатых горожан. Маги, хоть пользовались почетом и уважением, снискали славу ученых и изобретателей, но никак не хватких и смекалистых буржуа. Отсюда и доходы пусть и достойные зажиточного класса, но не из тех, чьих обладателей зовут на званые балы и трапезы. Но они никогда не стремились. Всегда заносчивые, маги смотрят на простых людей, не разделяя их по доходам. Ведь будь у тебя вексель даже на шестизначную сумму, изобилие развлечений и пышные дома-дворцы никогда не дадут того, что есть у каждого мага – возможность повелевать материей и энергией.

Глядя на улыбающуюся лечащуюся воровку, идущую рядом, Рафаэлю начало приходить понимание того, что где-то в своих рассуждениях волшебники все же ошиблись.

Ступеньки. Деревянные, с проросшей травой, слегка покосившиеся и не шире полсотни дюймов. Скрипят. То ли приветливо, встречая хозяина, то ли беззубо выражая старческое негодование. По обе стороны от нее раскинулась на добрый десяток ярдов веранда – когда-то яркая, теперь же покрытая обшарпанной старой краской. Оконные проемы зияют пустотой – еще до Падения родители собирали деньги на замену ставней дорогим стеклом, но планы были похоронены вместе с душой этого дома, убитой ножом проповедника.

Петли двери не скрипят. Рафаэль мысленно хмыкнул. Очевидно, кого-то из новых жильцов вечный скрип постоянно открываемой сквозняком входной двери с давно слетевшим замком раздражает сильнее, чем старых – когда они с отцом уходили в патруль, дверь прощалась с ними протяжным визгом.

– Ботинки можешь не снимать, – послышался голос откуда-то из глубин особняка. Дом узок – внутри лабиринта его каменных стен протиснутся дай бог двое. Справа два проема ведут в две гостевые, пыльные и пустые. Все ценное уже давно разобрали для спален двух живущих в других комнатах мужчин, а гостей особняк не видел последние два года. Впереди, в центре дома, его изюминка – винтовая лестница, соединяющая сердца двух этажей. Чуть поодаль от него – гигантская зала трапезной на дюжину персон и совмещенная с ней кухня. Где-то между залом с левой гостиной, через узкий проход притулилась мойка. Гигантская деревянная бадья.

– Я запомню этот момент, – послышался звонкий девичий голосок сзади над ухом. Рафаэль вздрогнул от неожиданности, но не подал виду. Послышавшееся тут же хихиканье заставило его почувствовать себя неловко, но прежде, чем злость сорвалась с языка мага, Эбена продолжила, – Тот самый момент, когда «одичалая» предлагает чистюле-магу помыться.

Сжав зубы, стараясь не сорваться на бег, Рафаэль прошел к мойке.

Вотан нервно теребил страницу. Книга не может похвастаться старостью и ветхостью, книга не может похвастаться красотой, она даже выполнена из дешевой второсортной бумаги. Тем не менее, пока древние фолианты сжигали холодными зимними ночами, грезя желанием выпросить у стужи лишнюю минуту тепла, эта простая и тонкая книга завоевала не только почетное место на полке чердака этого юнца, но и его, Вотана, пристальное внимание. Достав аккуратно припрятанный кухонный нож, заботливо одетый в самодельные ножны из свернутой и перевязанной ремешками кожи, старик аккуратно вырезал страницу, после чего спрятал за пазуху новенькой кожаной куртки.

Старика на мгновение взяла злость. Кулаки сжались, костяшки побелели, совсем недавно задумчиво смотрящие куда-то вдаль глаза вдруг покрылись невидимой пеленой ненависти. Миг – и тело вновь успокоилось. Он взял перо, достал пузырек с остатками чернил, и начал рисовать подобие карты. Никто в этом Городе не может ручаться, что он с картой дойдет до Черного Шара вместе с этими детьми...

Воспоминания нахлынули сами собой. Мир устроен крайне несправедливо и Вотан это знал всегда. Но лицо того ребенка забыть невозможно. Момент, когда правда и ложь перевернулись, затмив взгляд почти детским непониманием и жаждой прекратить творящееся вокруг насилие пришел столь же неожиданно, как и ушел. В прошлое, вместе с жизнью старшего офицера.

Падение сломало много жизней, но он догадывался, что нечто подобное неизбежно произойдет. Игры людей в богов всегда приводят к уродствам, а игры богов в людей – к ката-

строфам. Маги слишком заигрались в свои игры, ломая устоявшиеся законы мироздания и проникая все глубже и глубже в то сокровенное, что сотворено Всевышним в Начале Начал, туда, куда заходить нельзя. Где волшебство пересекло ту невидимую черту и прошло ту точку невозврата – когда учились управлять погодой, когда резали еще живую человеческую ткань, тщательно зарисовывая работу органов или же когда впервые подошли к вопросу жизни после смерти?.. Гильдии Магов всегда было, что скрывать, ведь внутри стен ее башни зачастую происходит то, что ни мэр города, ни сам Король не знали.

...Тот ребенок похож на Рафаэля, только моложе раза в два. Те же волосы, те же спокойные умные глаза. И бесстрашие.

Улица закончилась поворотом. Сегодня патрульные зашли гораздо дальше обычного – в Центральный квартал, но поручение Совета выполнить надлежит в срок. Что уж они там задумали, кому что показать – неизвестно, а лишнюю половину суток быть так далеко среди диких не хочет никто. Вот и пошли они двое неразлучных, потерявших все. Вотан – такой же, только седых волос на пучок меньше и его безусый от молодости спутник с первым седым волоском на исходе второго десятка. Город полыхает уже сутки – огонь перекинулся с Портового квартала на Рыночную площадь, но что происходит в Старом Городе не волнует здесь никого. Днем улицы забиты – люди бегут, разнося панические слухи один страшнее другого. Будто бы люди начали превращаться в безумных чудовищ, будто бы гигантские лысые четвероногие твари пошли гулять по мостовой, бросаясь на честных горожан, а кто-то судачит о пандемии, охватившей страну. В любом случае, это все – дела простых смертных, шпиль Гильдии не касающиеся. Но поддерживать порядок в «своем» квартале нужно.

Вотан дал знак остановиться. В последние дни Новый Город переполнен беженцами, а ведь толпы семей все бегут и бегут. Ворота перестали открываться еще вчера, но встревоженный Совет дал отмашку паникерам – дескать, это побочные эффекты от масштабного эксперимента в столице по созданию общегосударственного магического звукового поля.

Плачь доносится откуда-то из-за угла. Детский плач. Не просящий, не зовущий, а обреченный. Тихий, словно на поминках, но полный затаенной боли.

Догадываясь, что сейчас увидит, Вотан решительно завернул за угол. Но увиденное оказалось за гранью воображения. Нежная кожа рук мальчика – вплоть до локтей – перемазана чужой кровью. В алой жидкости лицо, одежда. Склонившись над трупом мужчины, ребенок лежит, приложив ухо к нему на грудь и рыдает.

Фредерик вышел следом за Вотаном. Синие глаза горят огнем решимости. Но ребенок не заметил двух мужчин.

– Его еще можно спасти, – облегченно шепнул напарник магу и показал на едва заметно вздымающуюся от ровного дыхания грудь раненого.

Старик неопределенно пожал плечами. Если лежащий еще жив, то это не значит, что он выживет.

Смахнув залившие лицо слезы, мальчик внезапно приподнялся с тела и поднес трясущиеся руки к шее лежащего. Сосредоточенные глаза ребенка смотрят на его лицо. Расширившимися от ужаса глазами и онемев, Вотан увидел, как красные руки впились в горло истекающего кровью человека и сжались. Фредерик по своей юности среагировал гораздо быстрее старика – одним прыжком пройдя расстояние до без пяти минут убийцы, напарник мощным ударом кулака обрушил ребенка на мостовую.

Мальчик не испугался ни полевых мундиров магов, ни их грозных лиц. Неожиданно сухими глазами, он сосредоточенным взглядом посмотрел на обоих, не произнеся и слова. Фредерик что-то спросил. Что-то очевидное и должное быть устрашающим, про смертную казнь за попытку убийства или про пожизненное каторжанином на шахтах. Быть может, он просто пригрозил магической карой. Ребенок не изменился в лице. Промолчав пару мгновений,

вений, он ответил. И его тихий, еще даже не начавший ломаться голос произнес медленно и уверенно:

– Вы все умрете, – подумав, мальчик добавил, – Бегите.

Его вид напоминает оборванца. Одежда, черты лица – все никак не тянет даже на обычного горожанина. А с нищенскими выродками разговор один. Послышался треск – Фредерик создал разряды тока меж своих пальцев. Его любимое заклинание. Одним движением схватив мальчика за горло, маг приподнял его над мостовой. Кричал ребенок недолго. Когда Фредерик закончил, он безумными глазами смотрел на труп. Вотан неслышно подошел.

– Почему ты его убил? – спросил он тихим голосом. Его напарник все не мог отдышаться, а старик повторил вопрос, – Почему?

– Он угрожал магам. Согласно двадцать седьмому пункту Устава Гильдии... – начал напарник, а Вотан прервал его жестом и повторил вновь:

– Почему?

Они слышали шорох сзади. Наверняка, чудом спасенный от рук мальчика встает на ноги. Сейчас ему явно нехорошо – после такой-то потери крови. Ну да его судьба не их дело. Они не оглядывались. Пожалуй, это стало их главной ошибкой.

Так получилось, что головы они повернули одновременно. Глаза смерти потом часто снились старику в кошмарах. В эту ночь он впервые столкнулся с ходячим трупом.

Фредерик домой не вернулся.

Добавив из крынки не первой свежести молоко, Рафаэль разбил сверху полдюжины яиц. Достал небольшой водянистый помидор и, тонко нарезав на деревянной доске, кинул на кусок тающего на сковороде масла. Не прекращая нагревать металлическую поверхность под ней пламенем из ладони, маг в очередной раз порадовался своей доли. Пока сотни тысяч других людей вынуждены разводить огонь и нагревать котелки, они могут себе позволить куда более рациональный способ разогревать пищу.

Следом в яичницу упала зелень. Котелок, однако, все же пришлось использовать – в нем греется горячительный раствор, традиционно хоть и несущий имя «чай», но оставив от него только название.

– Эбена, Вотан, за стол! – рявкнул Рафаэль. Наверху послышалось движение и разговоры – явно ищейка рванула в кладовку к маминим вещам. Быть может, от стильного женского варианта парадного мундира магов ее удержит грустное понимание того, насколько грязна улица за оградой и как быстро эти красивые одеяния превратятся в унылые серые балахоны. Вотан же... а кто разберет этого старика?

Сделав круглые глаза, появившаяся на лестнице Эбена широко улыбнулась и прошествовала на ближайшее свободное место. Почему-то все в тех же одеждах. Вотан, задумчиво смотря куда-то перед собой, тоже сел.

Завтрак начался в молчании. Эбена, несмотря на множество ран, вычищала тарелку гораздо быстрее мага, при этом не теряя самообладания. Ее вилка-трезубец и нож порхают над тарелкой. Вотан ест медленно, тщательное пережевывая каждый кусочек, наслаждаясь вкусом. Рафаэль внимательно глянул на обоих.

– Еды хватит еще на сутки, – сказал он, приступая к чаю, – У нас нет погреба и мы брали все продукты в Гильдии. Но неясно, как скоро они узнают о нашем уходе. Так что... туда теперь вход закрыт.

– Надо составить маршрут, – проговорил Вотан.

Рафаэль кивнул.

– Карта уничтожена, – добавил Рафаэль будто между прочим, – А запасной у нас нет. Кроме того, я считаю, что выходить в Город в ближайшее время опасно.

– Соглашусь, – Эбена как бы невзначай вклинилась в разговор, – Если я не ошибаюсь, то как минимум три банды, не считая отрядов Польпо – ближайшие к Болоту – уже развернули войну на Западном квартале. Улицы перекрыты, а я бы не хотела попасть под шальной болт.

– Где люди, там и мертвецы, – сказал Вотан, – Они всегда идут на кровь. Но даже если бои еще не начались, идти по тем улицам можно как по минному полю – маги тоже могут послать туда своих людей.

– Но и переждать мы тоже не можем, – жестко сказал маг, добавив уже тише, – Но если мы не можем пройти по улице... – Он замолчал, давая возможность спутникам прийти к тому же мнению, что и он.

Вдруг Вотан хмыкнул, а в его задумчивом взгляде заиграли смешливые искорки. Раскусив задумку Рафаэля, он оценил степень осторожности, с которой тот предлагает идею. Конечно, предложи он ее в лоб, то она еще при звучании показалась бы нелепой.

– Тогда мы можем пройти под ней?.. – неуверенно начала Эбена, – Канализация?!

Рафаэль кивнул.

– Там должно быть безопасно в это время. После дождей.

Эбена хихикнула. Вотан неодобрительно покосился на нее, но ищейка быстро выпалила:

– У тебя, конечно же, есть карта, чтоб не заблудиться в бесконечных лабиринтах и самое главное – не выйти к Болоту?

– А еще к магам, к стражникам, к бандитам... – начал перечислять Вотан, – Но да, к Болоту не выйти важнее.

– У меня есть кое-что получше, – улыбнулся Рафаэль.

...Пламя, играя со светом и тенью, освещает дорогу, превращая застывшие лица идущих в пугающие маски. Неаккуратно вырытые стены тоннеля то сужаются, то расширяются – по прихоти далеких предков. То сворачивая в одну сторону, то круто углубляясь вниз, этот круглый путь словно вырыт гигантским червем, в два человеческих роста и несколько ярдов шириной. Молчание прерывается потрескиванием огня, чьи языки, оплетая ладонь мага, рвутся вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.